

АРКАДИЙ НИКИТИН

МЕЛЬНИКОВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Аркадий Олегович Никитин

Мельников

Серия «Длинный список 2020-го
года Премии «Электронная буква»»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55847410

SelfPub;

ISBN 978-5-532-05800-2

Аннотация

Главный герой – молодой человек по фамилии Мельников – однажды утром обнаруживает себя лежащим на земле на окраине города. Теперь он не простой студент инженерного факультета, а жертва эксперимента, который ломает его жизнь. Содержит нецензурную брань.

Содержание

1. Карма	4
2. Проблема сообщающихся сосудов	23
3. По-братски	36
4. Доброе утро!	60
5. Розовый гонщик	81
6. Мотылек	103
Конец ознакомительного фрагмента.	114

1. Карма

Получать по лицу – больно и обидно. Правда, если заслуженно – то боль, а особенно обида, слегка сглаживаются чувством некоей кармической справедливости.

Родиона Мельникова подвели и карма, и справедливость. Он открыл глаза. В огромной неподвижной луже отражались фрагмент неба с рваной серой тучкой посередине, исписанный неразборчивым граффити металлический то ли забор, то ли стена и совсем близко – кончик его носа. Уже через мгновение в этот неподвижный пейзаж внесла разнообразие проследовавшая по небу хищная птица. Еще через секунду раздался ее игривый крик, похожий на ржание жеребенка.

Родион балансировал на грани забытья. Он еще не до конца осознал свое положение во времени и пространстве, но вполне ясно ощущал себя чем-то вроде игрушечного робота-трансформера, которого не особенно смысленный ребенок, пытаясь превратить в машину или самолет, крутил и так, и эдак, бросив в итоге «дурацкую» игрушку на пол, предварительно вывернув ей все суставы.

Он лежал прямо перед лужей, на боку, подобрал под себя правую руку. О левой руке в тот момент он вряд ли мог что-то сказать, потому что совсем не ее не чувствовал. По внутренним часам – бесконечность, по обычным – ровно две

с половиной секунды – столько потребовалось ему, чтобы вспомнить события, предварявшие это нелепое утро. Одежда была омерзительно сырой, похоже, что ночью прошел дождь, легкомысленно промочив лежащего на земле страдальца. Этот май вообще получился ненормально холодным и дождливым, и теперь, на его закате, по небу каждое утро, как прощальный кортеж, разгуливали скучные дождевые облака.

Плотно пахло дымом и навозом. Если с дымом все было более-менее ясно – неподалеку догорал то ли мусорный бак, то ли костер, разожженный бездомными, то с навозом история была практически детективная. Запах терроризировал ноздри восточносибирцев и гостей города от последнего пригородного аппендикса и до самого центра, а исчезал так же таинственно, как и появлялся. Под подозрение попадали поочередно свинокомплекс, канализация и даже ипподром, но ни плановые, ни внезапные проверки не способствовали срыву покровов.

Родион инстинктивным движением перевернулся на спину. По мере того, как ощущение реальности возвращалось к нему, прилиwała боль. Он решил оценить ущерб – для начала попытался приподняться на локтях – правая рука послушно поддалась, а в левую как будто ударило током – Родион даже не вскрикнув, плюхнулся обратно с искаженным лицом и застонал. Похоже, сломана. В затылок вонзились противные иголки мелкого гравия. В этот момент открылись ис-

тинные масштабы повреждений. Голова ощущалась безразмерной, нос зажил самостоятельной жизнью и без конца вещал что-то зловещее на своем языке болезненных импульсов. Перспектива лежать в холодной и противной, а самое страшное – незнакомой грязи еще хотя бы минуту казалась Родиону куда более неприятной, чем боль. Он поднес к лицу ладонь уцелевшей правой руки, в которую что-то тупо и настойчиво впивалось – этим предметом оказалась карта памяти из телефона, вдавленная в кожу практически по самым краям. Под ней тянулся небольшой ручеек запекшейся крови. Родион попытался улыбнуться. В голове один за другим проносились эпизоды злополучного вечера, когда его подкараулили в этом закутке. И били. Били долго и жестоко, как будто из-за того, что взять с него особо было нечего, – только копеечный телефон и бумажку в тысячу рублей. Родион собрался. Аккуратно, используя здоровую руку, подполз к стене спиной, передвигаясь на пятой точке. Обретя точку опоры, он попробовал пошевелить обеими ногами, с замиранием сердца проверил языком, все ли зубы на месте, и, слегка окрыленный положительным результатом, аккуратно встал и медленно побрел, еще не до конца понимая куда. Болело практически все, что могло болеть, подкатывала тошнота. В голове как сработавшая сигнализация звенела мысль о том, что нужно скорее попасть к врачу или хотя бы найти того, кто отвезет к врачу. Или домой, где в столе хранился запасной телефон, а там уже вызвать скорую. Или такси, и рва-

нуть в больницу. Но, по всей видимости, было еще настолько раннее утро, что в Западном тупике, складском районе, где он находился, было тихо как в вакууме, ни одной машины, ни одного прохожего, не было даже привычного утреннего городского шума.

Это место жило по своим законам, как один большой симбиотический организм. Оно начинало дышать примерно в полдевятого утра, торопясь, большими глотками впитывая один за другим группки грузчиков, кладовщиков, операторов, мелких менеджеров и клерков, прибывающих кто на автобусах, кто на болезненно дребезжащих «жигулях» или доживающих свой век «тойотах». А в полседьмого вечера окончательно засыпало, выплюнув последних измочаленных бедолаг.

Неподалеку стукнулся об асфальт пластиковый стаканчик из-под кофе, который то ли орел, то ли беркут сначала принял за подходящую жертву, а когда понял, что явиться орлице на глаза с такой добычей будет верхом позора, с отвращением выбросил. Родион потихоньку хромал вдоль дороги. Отсюда было совсем недалеко до дома, но вот хватит ли сил – волнами подкатывала то тошнота, то желание потерять сознание. Доковыляв до остановочного павильона, он обхватил руками стальную опору, она была холодной и оттого дико приятной. Тошнота не отступала, Родион хватал ртом холодный воздух, пытаясь оттолкнуть ее. Послышалось ритмичное шарканье – из соседнего переулка навстречу ему бодро

вышагивал улыбающийся толстяк в шортах, серой майке с триколором и телефоном в руке. Ну неужели, живой человек! Родиону сразу как будто стало лучше, мысли понеслись с опережением, он заторопился, выбрался из-за павильона, сделал пару шагов навстречу незнакомцу и с трудом выдавил из себя наспех сложенную скороговорку:

– Вызовите скорую, пожалуйста, меня ограбили, если у вас есть ма...

Толстяк резко остановился, пристально посмотрел ему в глаза, улыбнулся широченной улыбкой, прищурил глаз, направил телефон в сторону Родиона, нахмурил брови:

– Пых, пых!

Изобразив выстрелы, он добродушно рассмеялся, громко хрюкнув, подошел к остановке и принялся рыться в урне. Тут Родион заметил, что в руках у него был не мобильный, а трубка от радиотелефона, какие обычно стоят на столе у секретарей в приемных, а безразлично-добродушная мина не сходила с пухлого щекастого лица.

Да твою же мать! – вырвалось само у Родиона. Он с досадой хлопнул здоровой рукой по ноге. Сумасшедший обернулся, нахально подмигнул и вернулся к поискам одному ему известных сокровищ.

Злость придала Родиону сил, и он зашагал чуть быстрее. Левая рука не просто болталась как тряпка – к ней страшно было прикасаться, каждое неловкое движение отдавало болью. Он плелся по выщербленному, периодически преры-

вающемся асфальту, каждый осколок кирпича или торчащий из земли обрезок трубы, которые при других обстоятельствах остались бы незамеченными, казались труднопреодолимыми препятствиями.

Тупичок с его скучными безмолвными ангарами и нескладными офисными коробками закончился, эстафету принял другой однообразный пейзаж – хорошо знакомая улица Тухачевского со стриженными под ноль тополями вдоль дороги. До дома оставалось совсем немного. Подошвы ног от непривычного усилия горели, а солнце тем временем неожиданно и безапелляционно заняло в спешке оставленное тучами небо и начинало слегка, но неприятно припекать в затылок. Трехэтажные дома вдоль дороги только просыпались, редкие машины проносились мимо, игнорируя одинокого пешехода в пыльной толстовке. Игриво повиливая, прокатилась мимо гремящая басами серебристая «девятка». Родион уже твердо решил не терять времени и ковылял как мог. Лишь однажды остановившись, он облокотился на тополь напротив очередной трехэтажки, покрашенной в бледно-желтый цвет. Из открытого окна на первом этаже доносился запах яичницы и крик телевизора:

– ...и напоследок хочу вас спросить: ходят упрямые слухи о том, что в вашем владении находится целый флот первоклассных яхт. Позволю себе вопрос: так ли это на самом деле? – тараторил голос корреспондента, приправленный дежурными интонациями.

– Ха-ха! Почему вы говорите слухи? Это совершенно никакой не секрет! – смеясь, ответил мягкий голос с легким восточным или южным акцентом, – понимаете, у кого-то есть слабость к женщинам да? У кого-то к красивым вещам. А у меня есть слабость к красивым вещам, в которых я вижу красивых женщин! Яхт у меня пять – Севаль, Назакат, Серна, Белый Лебедь и моя красавица – Звезда Востока! Моя гордость! На ней, кстати, так и запишите – есть вертолетная площадка и мини-док для малых яхт, вы, в общем, можете считать ее моей любимой женой. Я полностью ответил на ваш вопрос? – все так же смеясь, и не без некоторого хвастовства ответил приятный голос.

Чем еще мог бы похвалиться обладатель бархатного голоса, Родион не узнал, он поковылял дальше, до смешного похожий на киношного зомби, мысленно сгруппировавшийся для решающего рывка.

* * *

Во дворе пятьдесят второго дома по улице Мира вершился ежеутренний ритуал. На грубой, врытой в землю скамеечке, напротив небольшого столика, покрашенного в нелепый светло-коричневый цвет и также врытого в землю расположился пожилой мужчина в когда-то белой, пожелтевшей от времени рубашке в тонкую голубую полосу, древних побуревших брюках, как будто под цвет его невзрачного мор-

щинистого лица, и истоптанных туфлях, по внешнему виду – ровесниках владельца. Скамейка по другую сторону стола пустовала. Навстречу ему не спеша двигались, вернее сказать – перемещались два субъекта помоложе, но той же степени потрепанности – представители местного алкогольного бомонда. Пожилой мужчина, не дожидаясь, пока они присядут, окликнул их громогласным и, по всей видимости, заранее заготовленным приветствием:

– О-о-о! Леха! Бывалый выпивоха! – и, выдержав двухсекундную паузу, – Ромка! Без бутылки ломка! – И захохотал сиплым, с покашливанием, смехом стареющего человека.

Коллеги по алкогольному цеху на приветствие не отреагировали никак. Постоянные подколы старшего товарища они сносили как должное – пускай у них, как и у всякого алкоголика со стажем (а Леха и Ромка, несомненно, были из их числа) и водились непонятно откуда деньги на возлияния во вторник в восемь пятнадцать утра, но все же и в их вино-водочном марафоне порой наступали непростые дни. А для Дениса Алексеевича, ветерана не только столкновений с зеленым змием, но и опасного химического производства, таких дней не существовало – он получал законную пенсию. И притом не маленькую. Его возраст, пролетарское происхождение и давно (и окончательно) сформировавшиеся незатейливые вкусы и пристрастия не оставляли ему альтернативы более сложной, чем выбор между «столичной» и «таежной». Потому и тянулись к нему пьяницы, как адепты к своему

пророку.

Собутыльники расселись по скамейкам. Леха – сутулый мужик с длиннющими руками и огромными выпирающими губами как на селфи у современных модниц, за что дети из ближайших домов прозвали его Гиббоном, не выдержал первый, и глядя куда-то вдаль прогнусавил:

– Алексеи-и-ч. Есть ч-чего?

Денис Алексеевич, покровительственно улыбаясь, с ловкостью, не свойственной старикам, извлек откуда-то из глубины своих брюк небольшую запечатанную бутылку водки и торжественно водрузил на середину стола. Леха улыбнулся, гыкнул и потянулся было к ней, но распорядитель застолья с той же ловкостью придвинул бутылку к себе, зашептал:

– Тих, тих, тих! – и вдруг как по волшебству рядом с бутылкой появились три граненые стопочки.

Теперь уже Ромка, возраст которого было невозможно определить из-за испитости лица и зигзагообразного шрама, изрезавшего нижнюю губу и подбородок – как любил повторять Денис Алексеевич – «Эт, Ромк, потому что ты губу раскатать умеешь, а закатать вовремя – нет!» – попытал счастья с бутылкой, но она мистическим образом ускользнула и от него – кудесник укоризненно зашептал:

– Куда, куда, куда! – и заколдовал солидных размеров копченую скумбрию, завернутую в промасленную газету. Увидев, что колдовство возымело нужный эффект, чародей довольно улыбнулся замороженным собутыльникам, потер жи-

листые руки и церемонно провозгласил, – а теперь какое волшебное слово нужно сказать?

Тут, к глубочайшему сожалению Лехи и Ромки, которым, по всей видимости, волшебное слово было знакомо, а произнести его быстро обоим мешали только сильнейший тремор и заплетающийся язык, Денис Алексеевич заметил бредущую по пешеходной дорожке к дому фигуру и благодаря по-прежнему верному ему зрению, безошибочно определил в ней Родиона:

– О-о-о! Студент! Гулял, поди, всю ночь? Э-э-э ты давай с учебой не шути, а то вон оно что при таком подходе бывает! – прокричал старик и подмигивая кивнул в сторону сидевшего рядом Лехи.

По мере того, как Родион медленно приближался, адепты служения алкоголю все больше изнемогали от непосредственной близости объекта поклонения, а Денис Алексеевич все сильнее замечал неладное. Когда Родион уже почти поравнялся со столиком, он вскочил и уже без шуток спросил:

– Студент, ты это... Что с тобой?.. – Но получить ответ ему было не суждено, потому что Родион неожиданно рухнул на асфальт, как паяц, которому обрезали веревочки. Последнее, что он услышал, или скорее, то, что по инерции отразилось в его удаляющемся сознании, был крик, – Студенту плохо! Врача, ептвымать!..

От легкого толчка он ненадолго пришел в себя, ему казалось, что он не спеша куда-то летит.

– Несут на руках. Или на носилках. – успел подумать Родион перед тем, как снова провалиться в темноту.

В его сознании мелькали смазанные зарисовки из собственной жизни, но все какие-то мелкие, малозначимые – то соседка, тетя Лариса, женщина навязчивая и импульсивная пристаёт к маме с единственной целью – выведать ее фирменный рецепт приготовления сазана, размахивая руками и острующим носом. Вот уже сама виновница происходящего – серьезная рыбина, бронзовая и усатая, с укоризной смотрит почему-то из-за столика университетского кафе и вдруг булькает как бы между делом:

– Дай конспекты по сопромату отксерить!

Родион не успел еще придумать уважительной причины для отказа, как выясняется, что это никакой не сазан, а тренер по тхэквондо Андрей Валерьевич грозит не единожды ломанным кривым указательным пальцем и выговаривает:

– Не будешь нормально тянуться, пах порвешь!

Вдруг от сэнсэя остается одна лишь нашивка на добобе, изображающая медведя, борющегося то ли со змеем, то ли с драконом, потом исчезают и звери. Единственное, что парню представлялось более или менее внятно, это повторяющаяся картина: снова и снова взлетающий орел. Он как будто взлетал все ближе и ближе к Родиону, и каждый раз ронял из своих лап то ли стакан, то ли бутылку, беззвучно исчезающую в пустоте, а в каждое из трех последних повторений, взлетая уже на расстоянии вытянутой руки, когда, казалось,

можно было провести рукой по его перьям, он внезапно будто бы нахмурился и трижды, каждый раз все громче, неожиданно и серьезно произнес человеческим голосом:

– Молодой человек! Молодой человек!..

* * *

– ...Молодой человек! Не пытайтесь меня обмануть! Я видел, что вы праснулись! – нетерпеливо воскликнул голос с осязаемым кавказским акцентом, – как вы себя чувствуете?

Родион действительно проснулся, глаза с трудом, но понемногу открывались, тело с удовлетворением ощущало под собой мягкий матрас, он едва успел ухмыльнуться про себя – а как это, оказывается, классно, встречать утро не в грязи. Но едва увидев, куда его привел злосчастный вечер, отшвырнул мысли про сон. Он лежал посреди огромной кровати, с обоих краев усыпанной кнопками (Родион зацепил взглядом «вызов медсестры» и «открыть/закрыть окно 1»), миниатюрными мониторами и мерцающими диодами, в углу не менее впечатляющей палаты. Сверху белел высоченный потолок, на котором успокаивающей зыбью колыхались силуэты крон деревьев, подсматривающих в два огромных окна, занимавших чуть ли не по половине стены. У третьей стены стоял столик с компьютером-моноблоком, строго по центру четвертой стены была дверь, чуть над ней располагалась аккуратная коробочка кондиционера. Все вокруг бы-

ло стерильно белым, кроме слегка прищуренных карих глаз склонившегося над кроватью врача – Родион догадался, что тот улыбается под маской.

Из всех вопросов, завертевшихся у Родиона на языке, на волю сумел вырваться самый нелогичный:

– Кто вы?

Врач с готовностью ответил:

– Багра́т Александрович Ло́гуа, советский врач, сорок лет в строю! А вы кто такой будете? – сделав микропаузу, он с воодушевлением продолжил, – шучу, шучу, все я про Вас знаю. и театрально подмигнул.

Родион находился под сильнейшим впечатлением от обстановки: когда он лежал с аппендицитом в больнице родного Нижнереченска, глаза привыкли к постапокалиптическому натюрморту с полупрозрачными осунувшимися стеклами в облезлых оконных рамах, форточками, как выражался один из троих соседей по палате, на сортирных шпингалетах, хромоногими панцирными кроватями, а нос – к вызывающему острейший приступ тошноты у непосвященных коктейлю из запахов грязных тел, дешевых лекарств и больницы кормежки, состоявшей преимущественно из каши, манной на завтрак и гречневой на обед и ужин. В качестве второго вопроса он не нашел ничего лучше, чем «Откуда?..»

Врач бережно достал из кармана халата прозрачный пакетик с черным квадратиком внутри и бережно положил на край кровати:

– Он рассказал. Все претензии к нему. А самое главное, что я про вас знаю – вы самый настоящий счастливчик!

Вид знакомого предмета помог Родиону слегка подсобрать совсем рассыпавшийся пазл последних событий. Он попробовал было пошевелить конечностями, но паутина из датчиков и проводов крепко держала его со всех сторон, да и не будь ее – руки и ноги за время невольной отлучки их обладателя, как будто обзавелись собственным норомом и слушались в лучшем случае через раз. В легкой панике он вяло затрепыхался как умирающий карась.

– Спакойствие, только спажойствие! – Баграт Александрович тут же замахал руками и затараторил, – чаем с плюшками мы с вами чуть позже побалуемся, а пока лежите смирно и думайте а хорошэм! Это анестэзия на вас слэгка навалилась, да еще мышечные рэлаксанты свэрху сели, патэрпите нэмножко, все вы успеете – и с дэвушкай патанцуетэ, и атмарозков этих накажэте, а пока только пакой и еще раз пакой! – он нарочно налегал на и без того ошутимый акцент, невольно подражая комическому персонажу из любимой комедии. Образ кавказского Карлсона в белом халате, как ни странно, подействовал на Родиона успокаивающе, и он затих, и лежал уже неподвижно, редко моргая тяжелыми веками, бросив силы на подготовку очередного вопроса и попутно ожидая новых вестей от не по годам энергичного собеседника.

Врач не спеша отдышался и продолжил уже медленнее и почти без акцента:

– Вроде бы больной человек, в постели лежите, а так утомили меня. Так вот, вы – счастливчик! – он сделал последний тяжелый вздох и продолжил спокойно и торжественно, загибая пальцы на правой руке, – а я постараюсь вас не утомлять сложными терминами: сотрясение и гематома головного мозга!.. Закрытый перелом левой руки в двух местах!.. Два ребра – сломаны!.. Кисть левой руки раздроблена!.. Нос – сломан! Обе ноги – на грани. – Баграт Александрович перестал загибать пальцы и окончательно отошел от медицинской терминологии, – живого места на вас не оставили!.. Все что только можно – ушиблено. Вы – счастливчик, потому что попали вот в эти самые руки! – он продемонстрировал свои покрытые густым черным волосом ручищи, – будете как раньше, красивый, свежий... И даже лучше!

– Сколько я был без сознания? Часов шесть-семь да?.. – Родион внимательно прислушивался к каждому своему слову.

Он был из тех редких индивидов, кому если и не доставляло удовольствия, то уж точно не коробило, от того, как звучит собственный голос. Даже в записи. В самом деле, дефектами речи он не страдал, тембр у голоса был приятный, неожиданно интеллигентный для персоны его происхождения: к примеру, записать альбом в стиле клауд-рэп, было бы совершенно никудышной идеей. Но прямо сейчас, как бы он ни старался, звуки получалось из себя извлечь все какие-то слезливые, жалобные, еще и с неприятным эхом под сводами

череп. Врач сделал большие глаза:

– Что вы, каких часов – третий день, как вашей персоной занимаемся!

– Третий день?! – Родион на автомате попытался вско-
чить, но провода снова его удержали, и он заметил, что ле-
вая рука и икры обеих ног закованы в нечто, напоминающее
гипс, но куда более технологичное, – е-мое! А универ?.. До
экзаменов осталось... Ммм не могу собраться... – он закрыл
глаза, – а мама? Ей вообще про это все не надо знать, она
же...Фу-о-ох... – выдавив из себя полувздых-полустон, Ро-
дион уронил голову на подушку, – а с ногами что? Вы ничего
про них конкретного не сказали, и вообще, до дома я дошел
сам...

– Конечно, сами, кто же спорит! Да только чудо, что до-
шли – такие трещины вам эти... скоты (Багра́т Алекса́ндро-
вич, судя по его лицу, выразился намного мягче, чем хотел
сперва) в костях организовали!.. Нет, в третий раз я повторю
– это невероятная удача, что вы попали к нам, мы здесь...

– А вообще, где я? – Родион перебил сверхэмоционально-
го врача.

– Я не сказал вам? Ай-яй-яй... Вы в послеоперационном
отделении клиники СМТ – Современные Медицинские Тех-
нологии! – врач произнес это с гордостью, как официальное
название страны.

– СМТ? – Родион закрыл глаза и снова, но уже совсем
тихо вздохнул.

– Да, да именно в СМТ! Больше не позволю себе подобной невнимательности! Вы переживаете насчет учебы? – Багра́т Александрович с виноватым видом снова взял в руки пакетик с картой памяти и слегка тряхнул им – вот это ведь не любопытства ради. Это ведь преступление было бы не посмотреть, чего там такого особенного, что вы в нее мертвой хваткой вцепились, а там у вас задания разные персональные по учебе на университетских бланках оказались. Наш секретарь, Алиночка, позвонила в деканат вашего факультета, объяснила все. Вопрос улажен. Насчет мамы тоже не переживайте, деликатность мы соблюдаем. Вашу сим-карту мы восстановили, она у Алиночки в телефоне. Если позвонит, она ответит, мол, так и так – Родион Викторович после учебы в футбол играли, ногу подвернули, теперь лечиться в нашем заведении изволят.

Родион снова перебил врача:

– Но я не играю в футбол!

– Какие глупости! Ну в баскетбол скажем или в волейбол, да хоть в бильярд! Все равно никто вам пока не звонил. – после этих слов Родион почувствовал облегчение, – и насчет экзаменов не беспокойтесь. У них против такого бойца шансов нет. – он снова потряс пакетиком, – и ведь какова ирония, а! Вы жизнью рисковали ради этих ваших заданий и конспектов, по мне так к черту такой риск, а с другой стороны, не вцепись вы в эту финтифлюшку – три дня думали бы и гадали, что вы за субъект. – он подкатил кресло от компьютерно-

го столика к кровати и с удовольствием разместился на нем.

Багра́т Александрович давно был немолод и не любил долго стоять на месте без веской на то причины. Родион тем временем все же хмурился.

– Доктор, вы мне скажите честно, я у вас надолго? И еще... – он застонал, – ммм, голова... как будто бомбу внутри взорвали... Вы скажите сразу, сколько это все стоит... Мои родители – не бедные люди, но я про вашу клинику слышал... Что тут у вас бизнесмены лечатся... Депутаты... Ммм... – он снова застонал, – дайте мне что-нибудь от головы...

Врач среагировал молниеносно, щелкнув по «вызову медсестры» так, что вздрогнула вся кровать. Через десять секунд та уже стояла в дверях.

– Голова болит у дорогого гостя, принесите скорее обезболивающее!.. – как только дверь за сестрой плавно затворилась, Багра́т Александрович зашпешил – вы мысли эти свои отбросьте куда подальше! Вы у нас проходите по экспериментальной программе, так что ни копейки с вас не возьмем, еще гостинцев дадим на дорожку! И я повторяю вам! Ни слова больше насчет ваших экзаменов, считайте их... – на долю секунды он замешкался, подбирая слова, – считайте их формальностью!.. Артиллерия в голове – это временное явление! Все, я вас оставляю, но, слово врача, прилечу по первому зову, на пульте есть кнопка! – и выскользнул было из палаты, но развернулся и выпалил, – а про ноги-то я

вам и не сказал! Неужели старею!.. – он с досадой махнул рукой, – это Мобильный регенеративный модуль, МРМ-1, модификация для нижних конечностей, недельку в них побудете – и как только что с конвейера! – собравшись было уйти окончательно, врач повернулся спиной к Родиону, но, снова остановившись, хлопнул себя по лбу, – ведь действительно старею!.. – он искренне расстроился, – ваш второй вопрос. Вы будете нашим гостем еще неделю, седьмого числа мы вас выпишем. Выпустим из нашего уютного аквариума в житейское море. Думайте только о хорошем и поправляйтесь! – Багра́т Александрович, довольный своей метафорой лихо развернулся, и, чуть не сбив с ног подоспевшую медсестру, наконец удалился.

2. Проблема сообщающихся сосудов

Как оказалось, Родиону предстояло провести эту неделю скорее в курортной, чем больничной атмосфере. Спустя три дня его освободили из плена проводов и разрешили вставать с кровати. Перевели в другую палату, больше похожую на гостиничный номер-люкс: со спутниковым ТВ, ванной, душевой кабиной и унитазом с подогревом – венцом науки и техники, с которым Родиону раньше встречаться не доводилось. Но что казалось ему самым невероятным в новой палате – это игровая консоль с двумя десятками игр на различную тематику и современный компьютер. Если консолью он по понятным причинам не пользовался, то компьютер использовал для того, чтобы по вечерам репостить котиков, собачек, мемы про студентов и прочую мишуру или отвечать на редкие сообщения, чтобы хоть как-то убить время.

Секретарь, та самая Алиночка (Родион был уверен, что ее выбирали посредством придиричивого кастинга с участием модельных агентств) оказалась точной копией Мэй Ширани из файтинг-игр, разве что форма одежды у нее была куда более официальная. Она должна была следить за всеми входящими звонками на Родионов номер. Но эта обязанность не слишком утомляла ее ввиду полного отсутствия та-

ковых. Родиону выдали восстановленную сим-карту с доро-
гущим смартфоном на время пребывания в клинике в прида-
чу, насчет которого он сразу поинтересовался у принесшей
его миленькой медсестрички, с чем лучше сделать селфи – с
уткой или клизмой. Тем не менее, повод для фото все же на-
шелся. После того, как с ног Родиона сняли чудесные поно-
жи, ему разрешили прогулки по больничным коридорам и во
внутреннем дворе. Фасад клиники произвел на него сильное
впечатление – резко контрастируя с тем, что скрывалось за
ним, он напоминал если не замок Шенонсо, то, как минимум
усадьбу какого-нибудь зажиточного французского рантье. С
другой стороны, как еще выглядеть клинике с пятизначной
цифрой напротив строчки «первичный прием специалиста»
в прайсе? Потому и переспрашивал Родион у всех, кого толь-
ко мог, во сколько это удовольствие ему обойдется несмот-
ря на то, что каждый раз получал один ответ – «эксперимен-
тальный курс лечения и все связанные с ним дополнитель-
ные расходы – за счет клиники». Поводом для беспокойства
был и тот факт, что раз в день его навещал в палате лично
главврач, Конюков Артур Аркадьевич, человек небольшого
роста, не выше метра семьдесят, черноволосый, чуть-чуть
сутулящийся, с недремлющими, ежесекундно, казалось, ска-
нирующими обстановку маленькими черными глазами, сра-
зу показавшийся Родиону для своей должности уж очень мо-
лодым, – но как выяснилось, здесь это в порядке вещей, «ста-
рую школу» представлял один Багра́т Александрович. Оче-

видных минусов было, пожалуй, два. Первый – выпадение из реальности, которая так и норовила припугнуть близкими экзаменами, а второй – за гранью этой самой реальности царила уж больно тихая скука. Но одному происшествию все же удалось Родиона взбодрить.

Он не спеша прогуливался по коридору клиники, напомиравшему подводное логово Фантомаса – на стенах множество кнопок, понятных и не очень, сестринский пост, полностью белый, с огромными мониторами напоминал цитадель храма чистоты. Фаза удивления уже подходила к концу, и каждое очередное достижение техники или ноу-хау, с которым он сталкивался, вызывало у парня скорее уважение или чувство одобрения.

Родион уверенно проковылял мимо скучающих медсестер, но голова внезапно начала трещать по швам. От неожиданности он впал в секундный ступор и опустился на кстати подвернувшийся кожаный диванчик, схватившись руками за голову. Медлить было нельзя, но едва он направился обратно, чтобы попросить у сестер обезболивающее, как открылась дверь напротив. Из нее вышел высокий мужчина лет тридцати четырех с неестественно широко раскрытыми глазами навывкате, глубокими залысинами на голове и не менее глубокими морщинами на щеках, одетый в дорогой костюм без галстука. Помимо выражения глаз, в целом солидному образу не соответствовала трехдневная черная щетина. Едва заметив Родиона, он резко преобразился – вздрогнул так,

что подпрыгнул на месте и метнулся к нему, схватил за горло и вдавил в спинку дивана. Родион от удивления даже не попытался сопротивляться. Незнакомец не пытался его задушить, но держал крепко, без шансов освободиться – разница в весовых категориях была критической. Он посмотрел в глаза Родиону и заголосил каким-то исковерканным тенором, делая между словами минимальные паузы:

– Бурдло! Крендель орловский! Шишку почистил? Даааа! От *кулька* пароль захотел? А? – Родион все же предпринял попытку вырваться, но нападавший достал свободной рукой шариковую ручку из кармана пиджака и приставил к его лицу в нескольких сантиметрах от глаза и забормотал тихо и совершенно без пауз, – или что? Или как? А?! Эйнбиндер тебя натравил! Шакал! С ней заодно! И ты, и он! Утритесь, черти! Я щас подключусь, визжать как сучки будете! Ни денег, ни кулька, да ни...

Продолжить ему не дали – подскочили два крепких мужчины в белых халатах, один с ловкостью спецназовца лишил его ручки, отшвырнул ее в сторону и заломил обе руки, другой с не меньшим проворством всадил ему в шею шприц. По коридору быстрым шагом двигался Артур Аркадьевич. Не обращая никакого внимания на дикие вопли пациента и конвульсивные попытки освободить руки, врач подошел к нему в упор и, глядя в глаза, заговорил, по всей видимости, заранее заготовленными фразами:

– Ростислав Иосифович, успокойтесь. Вам показалось. Не

запустят без вас ничего. Птичка в клетке. Биржа не работает. Вот вылечитесь – заработает. Без вас работать не будет. Понимаете? – последнее слово он произнес жестко, даже грубо, после чего небрежным жестом как бы оттряхнул пиджак собеседника и еще раз безапелляционным тоном переспросил, – вы понимаете меня?

Тот на самом деле как будто успокоился, два раза кивнул, моргая раскрасневшимися глазами, и начал на глазах мякнуть и сползать на пол.

Пока санитары уносили буйного, Артур Аркадьевич подсел на диван к побледневшему Родиону, бегло осмотрел его, собрался было поправить очки, но передумал и спрятал их в карман халата:

– Я приношу вам извинения от имени клиники. Я должен был это предвидеть. Вы действительно на него похожи. Следовало обратить на это внимание. И глаза у вас карие, и профиль у вас тоже совершенно как у Сципиона Африканского. Знаете такого полководца?

Голос главврача действительно имел на слушателей если не гипнотическое, то, как минимум располагающее воздействие: первой на выход у Родиона числилась фраза «да фигли? Че это такое было», но спокойный и уверенный тон не сразу, но освободил его из оцепенения, и верх взяло любопытство:

– Могли бы и заранее сказать, что у вас 3-здесь п-психов держат. – Родион еще пребывал в легком шоке и даже начал

заикаться. Главврач подбирает слова аккуратно, без спешки:

– «Психи» как вы выразились – это не наш профиль. У этого я позволю себе сказать, бедняги нервный срыв. И мы взяли за него в виде исключения. Впрочем, слово «бедняга» к нему совершенно не подходит. Если я расскажу вам о нем, это поможет загладить вину? – Артур Аркадьевич как-то странно улыбнулся. Родион промедлил с ответом: забыв о такте, он рассматривал молодое, свежее и совершенно безоблачное в этот миг лицо собеседника, на котором какую-нибудь минуту назад обнажился барельеф морщин и впадин, – на высечение подобного жизнь обычно расходует немало времени и творческого потенциала. Сообразив, что засмотрелся, он коротко и резко кивнул, – тогда я начну с самого начала. Самая большая слабость человека – это то, что он ко всему и ко всем привыкает. Именно слабость, а не преимущество. И самый посредственный пролетарий, и олигарх из списка «Форбс» будет 23 часа и 59 минут в сутки спокойно существовать в привычной среде, но оставшиеся шестьдесят секунд думать, возможно, даже не размышлять в привычном нам понимании этого слова, а ощущать где-то за горизонтом сознания, что все могло быть иначе. Олигарх не может сходить ни в театр, ни в клуб без телохранителей. Удивительно, но факт – даже выйти ночью на улицу в ветровке на голое тело, чтобы купить банку пива. Не. Может. Не важно, хочет или нет, но позволить себе не может. У пролетария все совершенно симметрично. Вы понимаете меня?

Родион зажмурился и замычал – спазм вернулся. Врач достал из кармана упаковку тех самых таблеток от головы и автоматическим движением извлек одну. Родион жадно проглотил ее, запив водой из пластикового стаканчика, благо, кулер стоял около дивана, и с облегчением откинулся назад, скрестив руки на груди:

– Я понял, но при чем здесь этот псих?

– Я повторюсь: нервный срыв. Выражаясь обыденным языком, конечно. – Врач закинул ногу на ногу и продолжил. – по всей видимости, в новостях вы игнорируете рубрики «бизнес», «экономика» и «финансы», когда листаете новости. Иначе сразу бы его узнали. Жилинский Ростислав Иосифович. Преинтереснейший персонаж. Школу, то есть школу-интернат для гениев, окончил с золотой медалью. Когда учился в десятом классе, его мама, то ли вдова, то ли разведенная, милейшая женщина, это сейчас шутка была насчет милейшей. – Конюков ухмыльнулся, – репатрировалась в Израиль. Это моя любимая часть его биографии. – главврач продолжал саркастически улыбаться, – репатрировалась с двумя нюансами. Первый: между делом вышла замуж за учителя математики. Да не за какого-нибудь, а по фамилии Эйнбиндер. И не из какой-нибудь, а из той самой школы для юных Лобачевских. И за того самого, который нашего беспокойного пациента почему-то гнобил: «ты бездарь, тебе место в школе для дебилов». И так далее. – я вам еще не нагнал тоску своими историями?

– Не-не. – Родиону действительно было интересно, – я только не понимаю, откуда у вас на это время. И... Разве это не врачебная тайна, там, и все такое?

Конюков странно улыбнулся.

– Я почему-то уверен, что именно вы тот человек, с кем я могу без лишних опасений поделиться этим неординарным, из ряда вон выходящим, но, все же, прошу прощения, дерьмом. А времени у меня сейчас хоть отбавляй. Не сезон. Помимо Жилинского, ну и, собственно, вас у нас тут только один состоятельный ипохондрик, любимец Саныча. То есть, Баграта Александровича, вашего старого знакомого. Вот где ему простор. Стареет наш идол... Еще разговорчивее стал. Впрочем, мы не о нем сейчас.

– Вы про нюансы говорили.

– Да, был и второй нюанс. Репатриировалась она, а сын остался. Вот такие дела. – Конюков грустно улыбнулся, – сколько врачом не работай, а всегда найдется что-то такое, даже для нас слишком грязное, склизкое. И, увы, не из области физиологии. А дальше банальная часть – стипендии, международные гранты, он физмат окончил даже не экстерном, а так, между делом. Типичный вундеркиндер, в общем. Пока учился, уже на несколько фирм пахал, причем не ООО, а LTD, LLC и, естественно, не за наши фантики от «Монополии». А вот потом часть кульминационная, нестандартная. Наш знакомый отличился в плане выбора целей и средств: стал играть на бирже. Гений есть гений. – врач развел ру-

ками, – денежки к нему не потекли. Они к нему как стадо страусов побежали. А в личных бухгалтерях у него числился Арсений Бурдло. – увидев улыбку на лице Родиона, Конюков засмеялся, – как сейчас в молодежных кругах говорят? В голосину проорал с его фамилии? – Родион не стал сдерживаться и рассмеялся, – правда, не получится задействовать клише «откуда он такой взялся?». Это не секрет. Они с Жилинским оба из Орла и сидели за одной партой. Из Бурдло светила науки не получилось, но бухгалтер вышел – мечта. Так вот, он мне еще год назад позвонил, рассказал так и так, Ростик тронулся, из-за компьютера встает только ради променада на двор. Деньги скопил сумасшедшие. Говорит, если обнародовать конкретику, то в списке «Форбс» многим придется подвинуться. А сам ходит в прожженных трико. И дело, мол, не в золотом мамоне – он свою маман и ее хахалю не забывал ни на день, где-то ее старое фото откопал, размножил, тушит об него бычки, на лице то ли ненависть, то ли отвращение, то ли все сразу. А «винов» если выразаться тем же новоязом, – все ему мало. Торганет удачно – и весь от кайфа трясется, бормочет что-нибудь вроде «ну че, кто там неудачник, а? Кто там ничего не добился?», кроет матом родительницу и математика. Сам худой как наркоман, сидит на диване, себя по плечам хлопает или поглаживает и тащится и так далее. И говорит мне Бурдло, заберите его, мол, читал про вас, нестандартный подход, на вас одних надежда. Я ему тогда не особо поверил – живет в пентхаусе с однокашником,

на «дольче виту» насмотрелся, решил волшебную курочку от золотых яичек изолировать, благо и курочка дает повод. Любой бы так на моем месте подумал. Я ему и выдал стандартное про письменное согласие пациента, а это тупик. – Конюков виновато потерял очки в нагрудном кармане, – а через два месяца звонок посреди ночи. Бурдло на своей девятке товарища пригнал. Из Питера. Забыл сказать, пентхаус у него не в Орле, конечно. – доктор сделал небольшую паузу и покачал головой, – стонет мне в уши, мол, я когда из Ростика согласие выдавил, сразу его в охапку, и сюда, спасите друга детства, чуть на колени не встал. Третий час ночи, я накануне переработал, не евший, не спавший, и этот тут своими концертами пациентов будит. Как стерпел, не знаю сам. Разместил их, сам злой как собака остался в клинике ночевать. А наутро уже Жилинский устроил концерт, мы его вот как сейчас кольнули аккуратненько, и Бурдло придержали. Тут он мне подробно и в красках и про его припадки рассказал, и про ненависть к мамаше, и про «Кетцалькоатля».

– Про кого?

– Грустная вещь на самом деле. Он тебе про «кулю» или «кулек» что-нибудь говорил? – Родион кивнул, – так вот, наш гений написал вспомогательную программу для торговли на бирже, и назвал ее вот так. Бурдло сделал ремарочку, что он сначала хотел ее вообще «Попокатепетлем» обозвать, мол, пускай будет плевок в лицо обществу простачков. У Жилинского, кстати, самооценка ничего так. А програм-

му эту так и не раскусили. Цимес весь в том, что он ее под себя писал. Что для него молоток, для других – инопланетная технология. В общем, подключили наших работников душевного фронта – команда молодая, да, вообще, направление для нас новое, а тут сразу такой пассаж. – врач набрал воды из кулера и молча потягивал ее.

– А чем все закончилось?

– Ну как чем... – Конюков произнес это как-то уже совсем по-свойски, – для Жилинского пока ничем. Чиним его, починаем, пока, как видишь. – врач перешел на «ты», – с переменным успехом. А вот с Бурдло – случай исключительный.

– Он, что тоже поехавший? – к «поехавшим» Родион испытывал стойкую и в последнее время только усилившуюся неприязнь.

– Для кого-то... Да какое там «для кого-то», для большинства, пожалуй, – однозначно да. Мы гения торжественно в пациенты посвятили, с Бурдло общаемся насчет оплаты, а тот мне протягивает бумажку. Не знаю как, и когда, но Жилинский выписал ему бессрочную доверенность на право пользования всеми его активами, и Бурдло ее мне отдает, говорит, пускай оригинал у вас хранится. До меня тогда как-то сразу дошло, почему он его сюда на своей самодвижущейся повозке вез аж из Питера – тут публика далекая от столиц, а по ту сторону Зазеркалья жизнь другая, там в любой клинике бы его сразу заметили, в лучшем случае бы раструбили, что мужик с катушек слетел, а в худшем – нашлись бы бла-

годетели, отжали бы и деньги, и пентхаусы, да вообще все до прожженных трико. Про аэропорт вообще промолчу, какой бы в Пулково случился шоу-тайм, появившись они там. А так для всех наш общий друг просто временно отошел от дел и теребит пальцем в пупке, лежа на песочке то ли на Гоа, то ли еще где. Бурдло так ни копейки из приятельских денег до сих пор и не освоил. Приезжает раз в месяц на своей моторикше, одел гиганта мысли по-человечески, сигареты его любимые привозит, безделушки всякие, а Жилинский на него либо кидается, либо смотрит как больной голубь и молчит, когда мы его кольнем для профилактики. Почему он на него бросается – загадка века в психиатрии. В общем, эти двое меня научили одной важной вещи. Что человек – это не абсолют, а скорее сообщающиеся сосуды – если в одном у краев, то в другом – на доньшке. Вот Жилинского возьми – по части точных наук абсолютный гений, а в остальном – очень слабая субстанция. Бурдло – патологически честен, для бухгалтера вообще нонсенс, но в то же время патологически непрактичен. И у меня, и у вас, – главврач посерьезнел и снова перешел на «вы», – есть за душой вот такая вот конструкция. Главное – не забывать про второй сосуд, а у себя постараться непременно его нащупать. В этих стенах мысли дают богатый приплод. – главврач загадочно улыбнулся, – теперь к насущному. По моей информации ты... Мы ведь перешли на ты? – Родион кивнул, – все идет по плану, и ты выписываешься послезавтра, так?

– Да.

– Тогда чего тут сидишь? Иди осваивай мини-бар, завтра еще обновить успеют, на дорожку «Джека» или «Хеннесси» прихватишь. А я пойду посмотрю, что снится нашему олигарху. Сестра! – он щелкнул одной из кнопок в стене, – через пять минут жду у Жилинского, внеплановая диагностика, не нравится мне он... – хлопнув Родиона по плечу, он не спеша удалился.

3. По-братски

Как в итоге выяснилось, «на дорожку» у Артура Аркадьевича коньяком не ограничивалось.

– Вот тебе таблетки с запасом. – главврач потряс увесистой баночкой, – не факт, что они вообще понадобятся, головные боли по идее не должны вернуться. Но, если да – пей не задумываясь. Вот тебе шампунь. В кругах, куда мы с тобой входи, с такой прической вращаться не принято, а если будешь им мыться утром и вечером, к ближайшему визиту в alma mater худо-бедно обростешь. Теперь – о кругах! Вот тебе записка. – он положил на стойку листок бумаги, – покажешь декану. Если вдруг его не застанешь – ректору. Или Андрюше Соколовскому, мой приятель по... тем годам. Знаешь такого? – Родион кивнул. Трижды доктор наук Соколовский был в студенческой среде живой легендой. – ну и прекрасно. Тоже не последний человек в ВГУ. – Конюков усмехнулся, – такое с ним когда-то творили. Огонь. А собственно записка открывает двери в мир закрытой сессии. Ты как-никак только перенес операцию на мозге, а что тут, что там не садисты. Все-таки. Но только на тройки. Для оценки повыше нужно будет на экзамены хотя бы явиться. И хоть что-то внятное ответить. За стипендию у нас принято драться. В твоём случае символически.

Родион повертел листок в руках и положил обратно.

– У меня такой расклад, что явиться придется. Платит за все отец, а у него насчет меня были вообще другие планы. Портить картину мне вообще не вариант. Ну и так еще... Для самооценки.

– Я в тебе и не сомневался. – Родион хотел было поблагодарить врача и пожать ему руку, но тот ладонь отдернул, – Еще не все! Насчет экспериментального лечения, – Родион резко насторожился. – Саныч... Да чтоб меня... Багра́т Александрович установил тебе экспериментальный датчик.

– Фу-ух, я уже подумал, что придется оплатить мини-бар. – врач оценил шутку и рассмеялся, – а куда?

– Внутри черепной коробки, конечно, ты ведь не по поводу эректильной дисфункции у нас наблюдался. – Родион сделал вид, что не заметил ответного подкола и слушал внимательно, – датчик активирован. Если что-то пойдет не так, ты сразу узнаешь об этом и позвонишь кому?.. – Родион кивнул, – Верно. Мой номер есть на новой симке. Завтра в шесть утра датчик перезагрузится и будет мониторить работу всего организма. Там даже интерактивное меню есть, но подробнее рассказать не могу, даже не представляю, как оно работает, – главврач развел руками, – но разработчики утверждают, что даже ребенок разберется, так что... – он похлопал Родиона по плечу, – Отпускаю с миром первого счастливого обладателя системы раннего предупреждения. Если все получится... Ты и не представляешь, от скольких болезней больше не нужно будет искать лекарство. Зачем вкладывать

миллиарды в разработки, когда можно будет диагностировать и *удалять* заболевание автоматически на самой ранней стадии. Да даже антинаучный коммерческий CRISPR с его элитарными перспективами!.. – Родиону от этой пламенной речи стало слегка не по себе. Главврач заметил его волнение, – да не напрягайся ты так. Это эмоции. Лучше почувствуй момент. На прием... – он сосчитал про себя и заторопился, – через две недели. Ладно, машина ждет. Надеюсь, тебе у нас понравилось. За Корейко нашего извини. Если что, я всегда на связи.

После долгого рукопожатия Конюков, не оглядываясь, удалился куда-то вглубь здания. Родион вышел во внутренний двор. У ворот терпеливо дожидалась иномарка с эмблемой клиники. Окинув напоследок взглядом роскошный фасад, он сел в авто.

* * *

– Я здесь остановлю, хорошо? К пятьдесят второму только на вездеходе, или на вертолете там...

– Да-да, так даже лучше.

На самом деле, Родион с самого начала хотел попроситься на выход пораньше – при всей ее роскоши, в клинике СМТ не давали кофе. Точнее, давали, но либо без кофеина, либо из ячменя или еще какой-нибудь суррогатной дряни. А на Мира 50, к его удовольствию находилось некое подобие ко-

фейни с поэтичным названием «Кафе», прожженными клеенчатыми скатертями и пропитывающим одежду насквозь запахом беляшей, но вполне сносными напитками.

Противный ветерок прошелся по нехотя обрастающей роудионовой плешу. В этих местах такая «прическа» не была редкостью, но Родион все же накинул капюшон толстовки.

Впитывая вышеупомянутый запах, пока кофемашинка жужжа и скрежеща выдавливала из себя по капле струйки вожделенной жидкости, Родион одновременно ассимилировался обратно в привычную среду, меняя кожу незаметно для самого себя и отдавался в лукавые объятия ностальгии: если в Восточносибирске подобное заведение выглядело вопиющим анахронизмом, то на его малой родине других попросту не было.

Перекладывая из одной руки в другую горячий стаканчик, он добрался до подъезда и привычно нащупал в левом кармане ключи, но только у входа в квартиру сообразил, что связка из трех тощих ключиков, без брелока, толстовку покидала, а после прачечной заботливая рука кого-то из работников клиники вернула ее на прежнее место.

Квартира номер 17 как будто не заметила отсутствия хозяина. Не в полном, конечно, смысле хозяина – отец Родиона, человек торговых кровей, выторговал эту жилплощадь за смешные семь тысяч в месяц, но оплатил за два, а по истечении срока – еще за три года вперед, но об этом позже. Обставлена она была в духе интерьеров какой-нибудь компью-

терной игры на заре самого этого явления – без лишней детализации: справа у стены стоял неудобный и топорный компьютерный столик из мебельного магазинчика через дорогу, скрипучее кресло, кричащее голосом то ли чайки, то ли цыпленка-бройлера, если начать на нем качаться, рядом с ним – допотопный, с потрескавшимся покрытием, лакированный шкаф, запиравшийся на ключ, доставшийся от предыдущих хозяев, у другой стены рядом с дверью на балкон – диван в безвкусный пестрый цветочек все из того же магазина, у стены напротив – второй и последний предмет мебели, представлявший советскую эпоху – громоздкий раскладной столик с невероятно тяжелой столешницей. Столик пустовал.

Кухне удивить тоже было нечем – в шкафчиках с кривыми дверцами, составляющих то, что обычно называют «гарнитур экономкласса», кроме чая, сахара, пачки растворимой лапши на случай внезапного голода или лени, набора посуды на полторы персоны и пакетика с запасными саморезами и другими, менее понятными деталями, никогда ничего не хранилось. В мойке лежала пара кружек с бурыми кольцами на стенках. Неуверенно стоящий на украшенных рубцами от частых ударов табуреткой ногах обеденный стол пустовал. Его край облизывала колышущаяся занавеска – когда хозяин в последний раз покидал свое жилье, то оставил форточку открытой, и в квартире устоялся мерзкий холодок.

Форточку Родион закрыл первым делом. А больше дел собственно и не было. Разве что одно. Он немного порылся

в шкафу и извлек оттуда абсолютно новый, с пленкой, телефончик – простенький, какие раньше родители давали первоклашкам, чтобы быть на связи, до тех пор, пока и эта категория потребителей не принялась отчаянно мериться дюймами диагонали и прочей, несомненно, важной атрибутикой. Крышка телефончика поддалась не без труда, и извлеченная ранее из пакетика с застежкой симка твердо заняла свое место. Пропущенных нет. СМС – тоже. Телефон они тоже, что ли, оплатили?..

Родион собрался было посмотреть, как себя занес в список контактов Артур Аркадьевич, но передумал. Отложив телефон, он включил компьютер. Поморщился – в сообществе 517-й группы, как и следовало ожидать был закреплен пост со словами поддержки. Мелочь, приятно, но внимание к своей персоне Родион не любил. Два новых сообщения – наведя было курсор, Родион передумал и развернулся в кресле вокруг своей оси. Оно нехотя вскрикнуло.

10:45, а спать не хотелось, спешить никуда не требовалось. Окончательно передумав снимать толстовку и носки, Родион поставил чайник, без особого фанатизма сполоснул одну из кружек, бухнул в нее щедрую щепотку чая, заварил. Собрался было спрятать чай обратно в шкафчик, но передумал, как попало закрыл коробочку, бросил на столе и вернулся к компьютеру.

Один из, точнее, единственный, с кем из одноклассников он в принципе общался, Виталия Котов говорил – «некуда де-

вать время – зарубись во что-нибудь, все равно его будет мало». Родион бросил грустный взгляд на иконку «ТФТ» – оно бы и в самый раз, да после без малого двух недель простоя скил упал до такого уровня, что даже боты засмеют. Не вариант. Так он и застыл перед монитором с таким лицом, как будто подавился чем-то, и оставался в таком положении еще минут двадцать.

Чай как раз остыл до нужной кондиции, и Родион принялся громко прихлебывать, листая соцсети.

Первоначально это ведь так и выглядит – когда тебе двадцать, какой бы ни был на дворе год, поколение «пепси», «блейзер» или «гараж» – это всегда ты. Но у Родиона как-то не сложилось. И не потому, что он приехал из глубинки – там как раз таки часто, с привычной наивностью, молодежь вкушает любой взращенный на просторах всемирной сети мусор: он искренне не понимал, для кого в очередной раз эксплуатируется не вызывающий уже никаких эмоций «аморальный контент», совершаются конвульсивные попытки шутить про «отчима», «приемных», кто постит ТНН-релейтед пикчи, отчаянно пытается гнобить «социо», романтизирует Двач и другие выгребные ямы интернета – уж насколько он сам был малообщителен, но ничего хотя бы отдаленно похожего на то чувство собственной убогости или неполноценности, которое тысячи мемов еще со времен Feels Guy и лягушонка Пепе пытаются %username%’у помочь у себя диагностировать, он в школьные годы, да и сейчас не испытывал. С Ро-

дионом как будто раз за разом, только со сменой картинки поверх зеленого полотна, повторялся случай на уроке литературы в десятом классе, когда Татьяна Яковлевна, обладательница сразу двух черных поясов: по глубине погружения в трансцендентное и диаметру оправы очков, спросила учащегося Мельникова, верит ли он в Бога, на что тот отрицательно покачал головой, и последовал незамедлительный ответ – «Значит вы, Мельников, не поняли русскую литературу!» С ценностями имиджборд и мемами произошло то же самое: периодически пощупывая непривычный «ежик», Родион скроллил один паблик за другим, но ничего более годного, чем лист фанеры, напоминающий собаку с подписью «Дратути», так и не нашел. А вечер тем временем прокрался в семнадцатую квартиру и удобно расположился в освещаемой одним только монитором комнате. Когда зачирикал звонок, Родион вздрогнул – в голове был бардак вперемешку с досадой непонятно отчего. Когда он заглянул в глазок, то улыбнулся – по крайней мере было ясно, чего ждать дальше.

* * *

Санек всегда спешил появиться там, где его ждали. По крайней мере, он сам так считал. Впрочем, он думал не так часто, чаще плыл по течению, не делая крутых поворотов, а если и решался на смену курса, то только на уровне слепого инстинкта или во власти эмоций.

Он был в числе тех, кто вместе с Родионом оставил родной Нижнереченск и, как «Жигули», решившие непременно стать «Феррари», не глядя на сигнал светофора, рванул навстречу огням большого города. Внутреннее чутье без сна и отдыха шептало, что все связанное с таким сладким и манящим словом «перспектива», лежит где-то там за пределами родного пятнадцатитысячника; отец, состарившийся раньше времени на местном опасном производстве и после каждодневных, повторяющихся в малейших деталях манипуляций в цеху не чувствующий в себе сил на что-то более энергозатратное, чем блуждание по Интернету, часто повторял где-то схваченное – «скоро в России сформируется стабильная правовая среда по американскому образцу», не стеснялся намекать сыну, что у госпожи Наваловской, местной судьи с коллекцией лишних подбородков есть не менее впечатляющая коллекция машин, квартир и других важных атрибутов успешной жизни, а вот спустя десяточек, а то и пяточек лет обернуться шоколадом подобным образом, как киндер-сюрприз, сможет любой мало-мальски подкованный юрист. Санек хоть и относился стопроцентно к тем немудреным индивидам, в чьем речевом потоке искушенное ухо упрямо слышит звуки «ы» и «у» даже там, где их совсем нет, а потому по прошествии двадцати-тридцати секунд общения с кем-либо не из себе подобных на автомате попадал в категорию «быдло» или «колхозник», на самом деле не страдал от совсем уж низкого качества серого вещества. Он на тоненько-

го, но поступил на платное отделение юридического института, правда, не смог там задержаться – городские соблазны манили, и то время пока его знания топтались на старте, деньги, заботливо высылаемые отцом на карточку, пришли к финишу, впрочем, как и время для подготовки к зимней сессии, где Санька ждал полный провал – вопреки живучим мемам о том, как студенты сдают экзамены на пьяную голову и без подготовки. Надо отдать ему должное – в нужный момент он снова приналег на весла и круто повернул лодку своей судьбы, избежав падения в печальный андерграунд, на уровень маргиналов и неудачников, которых даже в утренний час пик можно встретить сидящими на ступеньках возле магазина, блуждающими без дела в людных местах, в автобусе с бутылкой пива, в общем, где угодно, только не занятых делом. Он не стал дожидаться, пока придут выселять из общежития, и устроился сначала раздавать листовки, потом курьером, затем пришел на стройплощадку по объявлению, да так и остался кочевать от стройки до стройки. Безрыбье сменилось деньгами, которыми грезят и курьеры, и промоутеры, и младшие, средние, старшие и прочие менеджеры смены в бесчисленных макбургерах и бургермаках. Впрочем, средства у Санька рассасывались быстрее, чем комариные укусы, уступая место либо выпивке, либо следующим за ней проституткам всех мастей, которых, он, доходя до нужной кондиции, вызывал на свою съемную квартирку, повторяя в телефон слегка спотыкающимся языком – «чтоб сись-

ки побольше были».

С Родионом его связывали не то чтобы дружеские, скорее приятельские отношения – и тот и другой, по сути, не завели в новом месте пребывания никаких знакомств, и потребность в общении часто сводила их вместе, несмотря на разные интеллектуальные касты.

– Ахах, здорова, бандюга! – в дверях стоял кособокий паренек со светлыми волосами, отливавшими ржавчиной, в новенькой олимпийке, надетой прямо на голый торс и сильно стоптанных сланцах поверх черных носков, слегка побуревших от неприлично долгой близости с ногами владельца. Но бросался в глаза, принимая огонь внимания на себя, совсем не «модный look», и даже не цвет волос, а огромный рот, застывший в постоянной то ли саркастической, то ли искренней, от души, улыбке. Но Родион знал, что Санек носит эту улыбку, не снимая, из-за детской операции на «заячьей губе», и не снять ему ее теперь никогда. Санек держал в каждой руке по переполненному черному пакету, и долго не раздумывая, швырнул их один за другим мимо Родиона, в прихожую, – в одном из пакетов что-то глухо звякнуло. Перехватив его тревожный взгляд, гость махнул в сторону пакетов рукой, захлопнул дверь, звякнув задвижкой и приобнял приятеля, похлопав по спине.

– Не, я лечу к нему, думаю, он тут пластом лежит, а он как живой, ахахах! – все еще придерживая Родиона одной рукой, он фамильярно потер его по ежику на голове ладо-

нюю другой, – не, ну реально! Я думал, Родию там порезали, а ему только причу подровняли! – он слегка хлопнул Родиона по спине, – не, кроме шуток, здоровья тебе, братан, пошли, расскажешь, че-каво. – они прошли в комнату, Санек увидел включенный компьютер, и кивнул в его сторону, – рублишь-ся в че? Я в «Варфейс» бывает по приколу гоняю, знаешь такую тему?

Родион отмахнулся:

– Да не, ты ж знаешь, я не игровой. Так по мелочи. Больше кинцо какое глянуть.

– Ну, епт... – Санек промычал с легкой досадой. – да и х*ли нам! – Не давая Родиону опомниться, он подхватил пакеты, один отшвырнул еще дальше, к компьютерному столику, – из него выкатился крупный апельсин и проследовал по неровному полу хрущевки до балкона, а второй небрежно опорожнил на диван – из него одна за другой выпали четыре бутылки вина и россыпь пластиковых коробочек и пакетов с непонятным содержимым, – кальмары там, еще всякая шняга, тебе щас по-любому полезно! – он потряс одной из коробочек, недолго думая, метнул ее на стоящий у стены столик, быстро подтащил столик к дивану, отгреб принесенные богатства в сторону, уселся, закинул ногу на ногу, засунул руку в карман олимпийки, и, пытаясь достать оттуда что-то большое и неудобное, кивнул Родиону в сторону дивана, – ну давай, рассказывай!

Родион вздохнул и плюхнулся рядом.

– Да было б че рассказывать. – он покосился в сторону винного арсенала, – заказал по Интернету один девайс для компа, поехал на Западный забирать, утром очнулся в грязи, разваленный. Все.

– А отмутили че?

– Телефон и косарь денег. – Родион хлопнул ладонями по коленям. – не, я все понимаю, но на фига меня так шатали, я не понимаю. Там в телефоне жизни на раз-два уронить оставалось. Вот такая хрень.

Санек наконец освободил из карманного плена томившийся в нем предмет:

– Прикинь! А я вот чем разжился! – и как бы небрежно подкинул в сторону Родиона новенький широченный смартфон, еще пахнувший свежим пластиком, совершенно такой же, каким Родион пользовался в клинике – тот едва успел его поймать, – че, видал, какая прилада?

– Девайс! Девайс, а не прилада! – Родион саркастически улыбнулся и потер лоб указательным и средним пальцем, – ты дома как хочешь его называй – хоть фигня из-под коня, а тут, если будешь так говорить, далеко не уедешь. И на фига купил вообще, двадцатка или там тридцатка лишние?

– Да пох. – Санек отмахнулся, – *Пока деньги есть, надо брать*. Хочешь, тебе подгоню по-братски? – Родион чуть не выдал «да не, вот только юзал». Увидев, что он сделал большие глаза и не выражает стремления стать обладателем модной штуковины, Санек быстро сменил тему, – че мы про гус-

ли, ты колись, как сам?

Родион поморщился и положил телефон на столик.

– Да сейчас нормас. Башка только бывает по утрам гудит, если ты заметил, мне ее нехило так заштопали.

– Слушай... – Санек нахмурился, – а тебе винчик-то можно вообще? А то я чет размахнулся.

Родион секунду подумал.

– Да, вроде врачи ничего такого не говорили. – он задумался еще на секунду, сомневаясь в перспективе обильных возлияний, но совесть решительно молчала, – да, не, норм все! Я за штопором.

– Ты погоди! – Санек схватил его за руку, – сиди, епт. – и извлек из уже порядком растянутого кармана новой олимпийки очередной недешевый артефакт – швейцарский нож и, кайфуя от представившейся возможности показать свое приобретение в деле, схватил подвернувшуюся первой под руку бутылку сливового вина, сорвал с нее пленку и колпачок, расписанный японскими иероглифами и улыбающимися гейшами, нашел среди инструментов штопор, проворно вытащил из бутылки пробку и с видом победителя посмотрел на Родиона. Родион молча сделал «facepalm».

* * *

– ...Я тебе самую приколюху не рассказал!

– М? – продолжительное употребление некрепкого ал-

коголя пробуждало у Родиона философскую разновидность апатии.

– Пока тебя чинили, два денечка были ниче так норм по погоде. Ну, сижу я, в ящик втыкаю по клипам, а там бегущая строка, ну это, типа знакомства. Ну я и думаю, – ну а х**е? Скидываю СМС: «Девчонки, кто хочет отдохнуть, звоните, М, 20 лет» и хоба! Сразу звонок, по голосу ниче такая вроде краляка. Че молчишь епт? Хочешь заценить, что дальше было?

– М-м?..

– Ну я набрал знакомому таксеру, уломал его за фиолет на вечер, покататься... – тут Санек разглядел на посоловевшем лице товарища тень сомнения, – не ну не чисто за фиолет, по плюхам обещал малец отсыпать, он на эту тему п****ц падкий. Ну и как он подъехал, я ему накинул, ну типа, такая постанова, ты на этот вечер мой личный водила! – Родион гыгыкнул, – во! Его примерно также на га-га пробило, потом еще едем, у дороги мусор машет своей муйней полосатой, Миха, ну мой водила, очканул не шутя вообще, а мусор ему такой: не, не, ты езжай, я не тебя тормозил. Едем дальше, и Миха такой выдает: б**, пронесло, а то я щас под плюшками. Прикинь, да?

Родион выглядел разочарованным:

– И, все, что ли?

– Да не! Это все х***я, ты дальше слушай. Деваха эта, не помню, Таня или Тамара, б**... Ну короче, ее встречаю, а

она с подругой причаливает, сначала думаю – х***я, но не затупил, говорю: ну с подругой, так с подругой. Короче, заехал в магаз, взял мяса, мангал, мартини-х***ни, а Миха вообще красава, я как с магазина вышел, встречает такой, пакеты кидает в багажник и выдает: шеф, мы надолго? Встреча в офисе отменяется? И, с***а, серьезно так, я еле сдержался, говорю: едем на берег. Э-э!.. Ты погоди спать, ща дорасскажу уже! – Санек пихнул Родиона в плечо, от чего тот вздрогнул, резко выпрямился и часто заморгал. Санек, казалось, даже слегка обиделся, – ну, короче. Девки в восторге, пьем, Миха в машине сидит, дует, я жарю шашлыки, а ночью я их обоих жарил! – Санек неудержимо загоготал, видимо, этот каламбур уже довольно долго прожигал ему язык. Родион от неожиданности хрюкнул и засмеялся, – бля, Родя, это еще не все! Короче, я снял номер в «Зеленом мысе», ну типа мотель, сразу как на залив поворачиваешь, не, ну не на квартиру их везти, я же типа весь на элеганте. – Родион снова заскучал и решил подлить себе вина, – отпустил Миху, один *** у него уже дым шел из ушей, засветил девахам трубку. – переполняемый приятными воспоминаниями, он нежно погладил многодюймовый экран, – ну я там заранее нашарил в инете музон – «Два часа музыки для секса», – и тут то, о чем приятель говорил вполне серьезно, вызвало у Родиона истерический смех, несколько капель вина то ли у него изо рта, то ли из носа, даже долетели до Санька. Тот, правда совсем не смутился, – ты хारे плевать, дай рассказать! Ну, короче, я

такой сверху на Танькиной подружке, ее Лиза зовут, она ваще бомба, сиськи размер где-то третий и по форме офигенные. Ну я такой на кураже ускоряюсь... – Родион хрюкнул, – и тут она такая: Родя! Не, ну меня че-то пробило, для солидности сказал, что меня зовут Родион. – настоящий Родион вяло поднял руку, хотел что-то сказать, но сдержался, – ну и выдает: ты только не в меня кончай, а в подругу, я такой думаю, ну блин, мало ли у кого какие закидоны, а утром мне Танюха рассказала, говорит, Лизе четырнадцать, я п****ц в осадок выпал! Там такие формы, фасад тоже ниче, на сто процентов е***ельная, но один х** не скажешь, что ей мало лет! Э, Але, ты че? – Родион прикрыл глаза рукой и трясся от приступа беззвучного смеха с легким, почти неощутимым налетом стыда.

* * *

Вино понемногу заканчивалось, темы для разговора тоже. Звучал аккомпанемент в лице Саньковского телефона, стартовавший под intro в виде ехидного вопроса, на который Родион только отрицательно мотнул головой:

– Родя, кто миром двигает? Ахаха, рабочий класс!

Плейлист был классический, «пацанский», состоящий из русского рэпа и простенького хауса. Сначала Родион морщился. После второго бокала, точнее, кружки – другой посуды он не держал – морщиться перестал, а после четвер-

той, речитативы в духе «Я вырос на окраине города, в голову ударила моча, пульс отбивает ча-ча-ча» или «Эй, чика, мой пинчер рвется из ширинки моих чинос, я твой дикий латинос» стали казаться скорее жизненными и мотивирующими, нежели глупыми. Вино продолжало наступление на своем невидимом фронте. Выслушав историю про «бедную» Лизу, Родион перешел на темы, о которых в своем нормальном состоянии в десяти случаях из десяти промолчал бы.

– Я тут как муха между стекол. Вон и форточка вроде рядом, и крылья на месте, а... Ты читал про чайку, которая смогла?..

– Че?.. – Санек непонимающе пялился в глаза Родиона, тревожно смотревшие из-под навеса надбровных дуг.

– Книжка такая. Про чайку Джонатана Ливингстона.

– Это че, чайку так зовут?

– Да. Короче, эта чайка то ли опрокинулась, то ли... Я не до конца понял. Пока другие чайки творили бардак и хавали голубей, он качал скилл полета... И каждый раз, когда остальные чайки оставались за спиной глотать дымок, он переходил лигой повыше – хоп, и там он снова андердог. Он снова поднимался до гуру, потом еще левел-ап и еще, еще... До бесконечности ****ь.

Дно пустой кружки чакнуло о крышку стола.

– И че потом-то? – Санька заинтриговала история чайки-вечного аутсайдера, он слегка заерзал на стуле.

– Короче, слушай. – Родион сложил руки между колен и

немного сгорбился, – ну вот мы. Че мы тут забыли?.. – он делал большие паузы и говорил медленно, как будто пришел к необратимо-важному заключению, – ну да, нам же говорили дома, – на семнадцатом-восемнадцатом левеле в этой локе ловить нечего, а в очередь на единственный годный спот можно не вставать, все расписано, хах!.. Вот сам смотри – есть в Реченске две шараги, но ты приперся сюда, почему?

Санек легко нашелся:

– Ну епт, ты спросил! Оп! Погоди! – он схватил со стола телефон, стиснул Родиона жилистой рукой так, что тот хрюкнул, гыгыкнув, сделал селфи, и, не дожидаясь, пока тот опомнится, продолжил, – кароч, после дорожного – таксовать или асфальт кидать, а после желдорки подметать вокзал и ждать пока кто-нить из алконафтов выйдет на пенсию или Трофимыч копыта откинет!..

Последние слова он произнес в борьбе с подступающим смехом, Родион чуть не поперхнулся вином:

– Трофимыч гыыыг! – оба захохотали, но Родион быстро остановился.

– Ахах, шуганули тогда его как надо! – Санек все не уни-мался.

Родион слегка нахмурился:

– Я эту жесть несколько раз вспоминал за последнее время – он провел рукой по ежику на голове, – раньше, если случайно вспомню Трофимыча, ору, а сейчас... На**я мы эти маски купили... Дед теперь до конца своих дней заика.

Стыдно мне, короче. Или типа того. Не знаю. – Родион пожал плечами, сделал пару больших глотков и не дал приятелю возразить, – че я хотел сказать-то – мы с тобой вроде как пошли на повышение, корочку я получил, если не обделаюсь жидко, вторая светит, ты без корочки, но один фиг профессию освоил, крутишься, бабла имеешь всяко больше, чем...

– Опа! – выражение лица у Санька из благодушно-довольного стало торжествующе-хищным, как у совы, схватившей мышь. Он хлопнул по крышке стола ладонью, на вид грязнее, чем у этой самой совы когти, – я тебе че говорил?! Хочешь жить – умей ве...

– Хочешь секс умей раздеться! Хочешь пресс – умей отжаться... – теперь уже Родион перебил собеседника, подражая его и без того не самому приятному голосу, – знаю я. Дослушай меня, а потом делай че хочешь... – он повертел в руках кружку, допил залпом и поставил на стол, – ну вот мы здесь, а дальше что? Вот вроде недавно это было охренеть как важно – какую музыку слушаешь, какой фирмы у тебя кроссовки, какое место занял на соревнованиях, сколько выпил, да это вообще была мера крутизны, а сейчас мы с тобой сидим и просто хлещем вино, и как-то... вообще все не так. – Родион продолжал, уставившись взглядом в чуть-чуть отклеившийся кусочек обоев, – я точно помню, что в девятом классе это почувствовал, – сейчас кайфуем, ну потом, окей, еще два года по расписанию, потом учеба, а потом что?..

– Родя, я вообще не врубаюсь, о чем ты. Это тебе так сильно по репе настучали или это у тебя от твоей философии крыша едет, пошли лучше проветримся, к девкам или в автоматы, харе мозга е***ь, давай, все, я набираю такси.

Санек принялся неуклюже тыкать пальцами в экран смартфона. Родион оживился:

– Стоп, стоп, какие, блин, девки, я тебе говорил, что спина ноет? А насчет твоих автоматов, скажи, ты реально с этого кайф имеешь?

– В смысле?

– Да в прямом, епт. – в разговоре с Саньком Родион всегда рано или поздно начинал незаметно для себя вворачивать матерные и полуматерные междометия, которыми обычно не злоупотреблял, – вот смотри, неужели кайфово стоять в убитом, обоссанном зале на холодном полу? Сегодня там висит вывеска «Welcome Las Vegas». – Родион поморщился, этот пример насилия над английским языком он действительно лицезрел лично, – а вчера там бичи, например, ночевали. Дергать зашорканную ручку автомата, который списали с какого-нибудь бандитского казино лет 20 назад. Глотать шампунь по 100 рэ за бокал, опять дергать ручку, клацать по западающим кнопкам... – он жестом попросил приятеля не перебивать, – слушай, ты сейчас красавчик, получаешь прилично, и если че, вдруг просядешь по деньгам, есть я, не-не ты не подумай, что мне вломы тебе занимать, я тебе разложить все как есть пытаюсь. – Родион вяло помахал руками

в подтверждение исключительно дружеских намерений, – а завтра, прикинь, случится какая подстава, а у тебя на кармане болт, квартиры нет, здоровья нет. В Реченск поедешь? Будешь бухать? С батей за компом по очереди сидеть будешь? – Родион ненадолго замолчал, переводя дыхание. В этот момент он находился на стадии извлечения *veritas* из *vinu*, – если я че сказал не так, ты поправь, только не втирай мне, какой это, б**ь, не**ический побег из реальности, какое чувство свободы, я тебя сколько знаю, – ты даже шмотки ни одной новой не купил, пока мы здесь. А самое обидное, – ты не дурачок без рук, нашел свою золотую жилу, а золото на г***о переводишь. Короче, когда реальность тебя догонит, не говори, что я тебя не предупреждал. – Родион потянулся к четвертой бутылке, но остановился, тупо уставившись на этикетку. Да не, хватит. – он потер лоб, – время не детское, горшки уже звяк-звяк, не знаю как ты, а я спать.

Санек покрутил в руках телефон и с рассеянным видом встал из-за стола:

– Братан, я чет забыл, что ты только из больницы... И это – я не в обиде, ты по делу все сказал. – горячий спич Родиона, как показалось, возымел эффект, – че-то надо думать насчет движений. А ща попер я домой, проветрюсь чутка, потом на такси.

Парни пожали руки, Санек хмыкнул, спрятал телефон в карман куртки, взгляд Родиона с легкой печалью проследовал за ним до прихожей, задержавшись на рваной пятке его

носка. Когда Санек, уже запрыгнул в свои сланцы и принялся ковыряться в засове на двери, у Родиона вдруг загорелись глаза:

– Саня!

– Че?

– Пока не ушел, ответь на вопрос, только быстро, не задумывась. – Родион почти скороговоркой протараторил, – ты перебегаешь дорогу в неположенном месте, и тебя сбивает тачка. Кем лучше быть сбитым – скорой, ментовским бобиком или катафалком?

– А, ну, э-э-э... – Саня на секунду замялся, – да скорой, епт, подберут – и сразу в больничку!

– Неправильно! – Родион говорил быстро и не дал гримасе удивления возможности появиться на Санином лице, – правильный ответ – переходи на светофор. Не делай х**ни, Сань, притормози, прикинь че к чему.

Родион хлопнул приятеля по плечу, Санек махнул рукой:

– Да все путем, не грейся. Ток слушай, у меня тоже вопрос, а за эту чайку ты мне раскидал, она тут вообще при чем?

– Да ни при чем, забей. – Родион вздохнул.

– Ну все давай, братан, я побежал, пока ты мне мозг не взорвал.

Засов глухо щелкнул и Санек зашлепал резиновыми подошвами вниз по лестнице.

Родион остался один. Снаружи давно стемнело, город

успокоился и смотрел первый сон, который потревожил знакомый голос:

– Братиш, есть закурить? Благодарствую. – внизу Санек тормознул случайного прохожего.

Родион усмехнулся. Упав в кресло за компьютерным столиком, он ненадолго сложил руки замком за головой:

– Нам ли быть в печали...

Он пробормотал что-то еще, надавил коленом на кнопку «power» на выглядывающем из-под стола системном блоке и принялся убирать с дивана остатки пиршества. Пластмассовая крышечка из-под сливового вина выскользнула из непослушных пальцев и куда-то покатилась. Родион махнул рукой, выключил свет, да так и завалился спать, в толстовке и носках.

4. Доброе утро!

Щупальца света, ласкового, солнечного, ласкали пол в комнате. Родион спросонья пошарил рукой по полу около дивана. Не найдя телефона на привычном месте, он рассеянно промычал, встал и поковылял в сторону туалета, сбрасывая на ходу мокрое от пота вчерашнее обмундирование. Вставал с постели он обычно тяжело, но на этот раз не было ни привычных десяти килограммов песка в легких, ни утяжелителей на ногах, да и пил вчера как будто только детское шампанское. Перемену в самочувствии Родион заметил сразу и связал ее с пребыванием в клинике.

Штормовой рев унитаза Родиону претил, он поспешил в ванную, прихватив по пути чудо-шампунь. Он щелкнул шпингалетом и включил душ. Пребывание в ванной всегда без исключения настраивало его на философский лад: дверь крашенная несколькими слоями пародий на белый цвет, выглядывающая из-под дешевого тканого коврика потемневшая плитка с сохранившимся кое-где советским знаком качества, свисающая с потолка на полууголенном проводе лампочка, испачканная известкой в компании псевдоиспанского зеркального шкафчика с LED-подсветкой и ванной, которую предыдущие хозяева по какой-то необъяснимой прихоти залили небесно-голубым акрилом, сеяли в его до недавних пор темноволосой голове семена параллели между обу-

стройством отдельно взятой ванной комнаты и вполне конкретной страны, где приятно фосфоресцирующему шкафчику отводилась роль его, Родиона, скромного мирка, ванне – университета, а пауку, который каждое утро в ней обнаруживался и бросался в бегство с первыми лучами лампочки-солнца – самого обитателя квартиры. Сегодня паука не было. Но Родиону было не до него, он разделся и не торопясь рассматривал себя в зеркало. Нет, он не высматривал на своем в общем-то приятном, с правильными пропорциями, особенно для перебежчика из глубокой провинции, но чрезмерно худом лице шрамы или другие последствия известных событий – в собственном отражении ему сходу померещилось что-то непонятное и незнакомое. Тщательный осмотр, сопровождавшийся нахмуриванием бровей и надутанием щек и завершившийся выдавливанием прыща, вскочившего ночью на самом кончике носа, ответа не дал, точнее, дал, но предположительный – Родион списал беспокойные мысли на непривычный пейзаж в виде скошенного поля на голове с хорошо заметными швами, напоминавшими трещины в почве, потому он это бесполезное занятие бросил, открыл шкафчик и взял с полки электрическую щетку, мирно соседствовавшую с небольшим будильником в виде черного куба – самым главным предметом в ванной (он был последней линией обороны в неравном противостоянии со сном), пару раз щелкнул кнопкой, услышав послушное жужжание, открыл воду, ежась, влез под душ и потянулся за зуб-

ной пастой.

– *Доброе утро!*

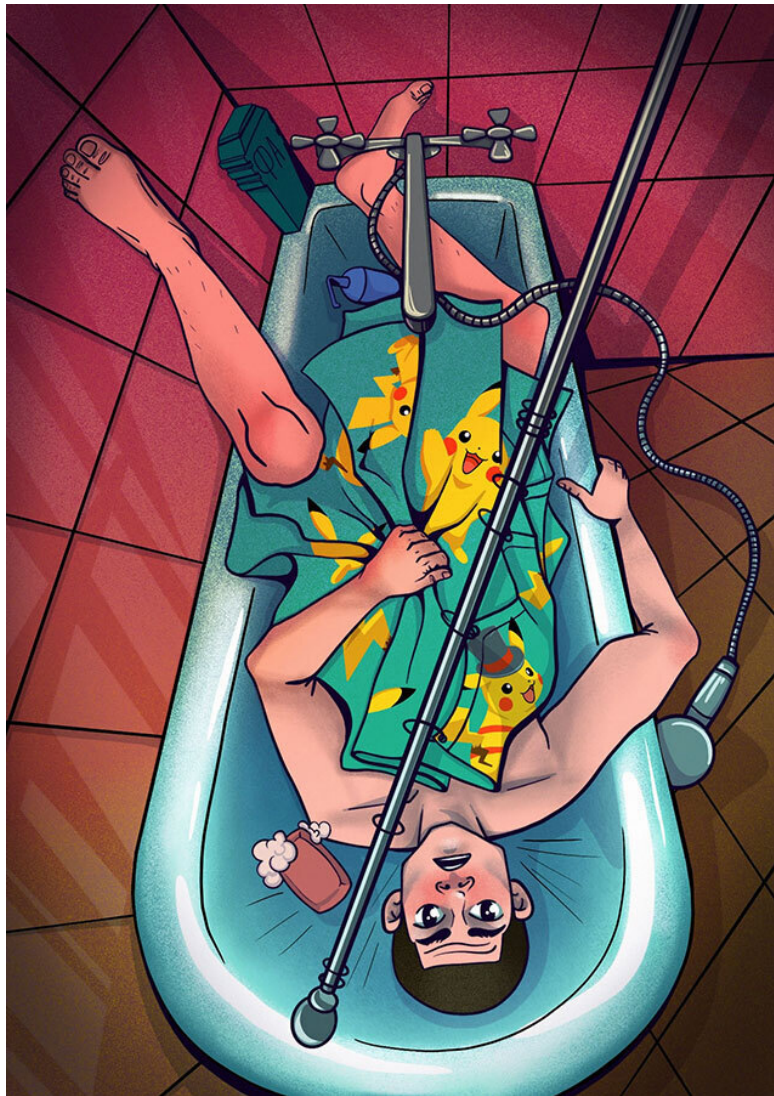
Родион резко обернулся, поскользнулся и совершил практически полный оборот вокруг своей оси, больно ударившись локтем о стену, но каким-то чудом вернул себе равновесие и, с перепуга потрясая назойливо жужжащей щеткой, как копьем, принялся оглядывать ванную. Голос был женский, приятный, можно даже сказать, нежный, но откуда он взялся? В голове у Родиона со скоростью двадцать пятого кадра сменяли друг друга все возможные хотя бы на долю процента варианты. Телефон? Отобрали. А на этом – пищалка. Вентиляция? Да нет же, звуки долетают оттуда еле живыми, так что речь не разберешь. Догадка созрела внезапно:

– Блин, меня же били по голове, наверное, это мне мерещится.

Родион выключил воду и успевшую надоесть щетку, с минуту постоял, замерев, – действительно, из вентиляции доносились приглушенные звуки, «как из унитаза» как говорил он сам, – где-то хлопнула дверь, два голоса, грубый женский и мужской, но совсем не мужественный, визгливый, скандалили, и, по всей видимости, на высокой громкости, но разобрать получилось только «...Натаха!... Падла!..» и «...лучшие годы моей жизни!..». Родион не сдержался и хрюкнул вслед мощной реплике. Чего-то более примечательного слух не улавливал. Сбросив с себя последнее, он поежился, торопливо покрутив маховиками, придал душу нужный

микроклимат, проворчал что-то бессвязное и какое-то время молча стоял под приятными струйками. Но настоящий подвох таился там, где Родион и подумать не мог – гардина, державшаяся поперек стен на простых распорках справлялась со своей обязанностью и без того слабо, а после недавнего пируэта ехидно накренилась, и теперь, когда он, блаженно закрыв глаза, погрузился, наконец в теплые, приятные мысли о предстоящей кружке кофе, творожном сырке с кокосовой стружкой и утренней порции мемов, сорвалась с постылого места и, как будто в отместку за нелепый принт с покемонами на шторке (Родион считал шторы для душа вещью пошлой, а потому, увидев в магазине товаров из Японии изделие со знакомой желтой улыбающейся мордочкой, выбрал из возможных зол меньшее) мстительно врезала ему по макушке. Родион заматерился, потер ушибленное место, недолго думая, скрутил шторку в рулон вокруг гардины, швырнул на пол, сделал воду чуть погорячее и уселся в ванну. Начинать утро с дозы негатива ему совершенно не хотелось, и он изо всех принялся думать о вещах еще более приятных, чем кокосовая стружка, вспомнил слова доктора о том, что беспокоиться насчет экзаменов не стоит, и, вообще, был близок к тому, чтобы нащупать точку равновесия с бытием, когда все тот же голос заботливо произнес:

– Постарайтесь избежать нежелательных повреждений.

От падения Родиона спасло только то, что он уже сидел на пятой точке. Голос, без всякого сомнения, был реален или как минимум неотличим от реального. Родион испуганно пробормотал:

– Что со мной такое?

Голос не заставил себя ждать и нежно прозвенел:

– Вы в полном порядке, температура тела 36.6, вирусных инфекций, потенциально опасных новообразований и других угроз здоровью не обнаружено.

– Каких б***ь новообразований?!.. – у Родиона ненадолго сорвался голос, но вместе с новой догадкой вернулось подобие спокойствия. Он крутанул маховики, вылез из ванны, обернул полотенце вокруг пояса и стал всматриваться в углы комнаты, – если это еб***й пранк, г**на поешьте, уроды!

Он выскочил из ванной, наскоро вытерся, оделся, и хотел было вернуться, дабы поискать скрытую камеру или что-то вроде того, но голос был неумолим в своей заботе:

– Пожалуйста, успокойтесь, я здесь, с Вами!

Родиону стало не по себе, он опустился на диван. В конце концов, будь это воры, все, что можно было бы украсть, еще даже не было куплено, а если пранкеры, то объект для своего «творчества» они выбрали посредственный. Родион напрягся и выдавил из себя целых два вопроса:

– Ты кто?.. Где ты?..

Ответ последовал незамедлительно:

– Я – Евгения. Универсальное вспомогательное устройство. Я *внутри* тебя.

И действительно, голос звучал прямо внутри черепной коробки! Родион окончательно растерялся. Все, что он смог, – это переспросить:

– Евгения?..

– Да. От слова «евгеника». Но к евгенике я не имею отношения, это метафора. Ко мне скорее подойдет определение «искусственный интеллект».

– А, ну да, метафора, теперь-то все ясно. – хотел сказать Родион, но запнулся, вспомнив слова главврача про «экспериментальный датчик» Он хотел было открыть рот, дабы озвучить свою догадку, но «универсальное вспомогательное устройство» его опередило:

– Вам необязательно обращаться ко мне вербально. Достаточно внутримозговых импульсов. Просто произнесите фразу про себя.

Родион сделал непонятный жест руками, вскочил и заходил по комнате:

– Нормальный такой датчик, мысли читаешь... Не-не-не, погоди, импульсами я никакими общаться не буду... Бред какой-то...

Последних слов Евгения не заметила или сделала вид, что не заметила:

– Как вам будет удобно.

– Давай по порядку. – Родион продолжал отмерять шага-

ми диковинные фигуры наподобие пчелиных танцев, – ты что-то вроде «Сири», да?

Евгения как будто оскорбилась:

– Сири – это несколько простых алгоритмов, она не имеет ни интеллекта, ни *индивидуальности*. Мое устройство базируется на ультрасовременном сверхмощном нанокomпьютере, моя память по объему примерно равна человеческой. Я способна хранить около миллиона Гб информации. Ну хорошо, – 924 тысячи. Я храню...

– Как ты сказала?.. «Ну хорошо?»

– Если вы о моей реплике, то структура и содержание моей речи максимально приближены к человеческим, не ждите от меня фраз вроде «Ответ отрицательный». – у Родиона на лице застыла непонимающая улыбка, он не знал, смеяться или кричать. – как я и собиралась сказать, примерно 35 % моей памяти хранит полезную информацию: сведения о мироустройстве, технические сведения, данные о выдающихся личностях прошлого и настоящего времени и прочее, но в то же время, я храню и обрабатываю информацию, получаемую непосредственно вами.

– Родион непостижимым образом умудрился сохранить относительное спокойствие, и новая догадка поразила его:

– То есть, ты видишь моими глазами?

– Да, а также слышу Вашими ушами, и получаю данные от прочих органов чувств.

– И ты у меня в голове?

– Тоже верно. Не бойтесь, я не причиню вам физических неудобств, мой основной модуль по размеру меньше капсулы сахарозаменителя.

Пока Родион решал, что со всем этим делать и звонить ли в клинику, в прихожей нетерпеливо зачирикал звонок. В глазок Родион смотрел обязательно – уж слишком был ограничен круг возможных гостей, и окажись у порога очередная активистка подъездного масштаба с петицией о перекрашивании урны в желтый цвет, он предпочел бы удалиться обратно в комнату на цыпочках.

Но за дверью стояла одноклассница Маша, кареглазая брюнетка. Такая картина немедленно вызвала у Родиона окончательное смятение чувств – внутри черепной коробки арендует (или занимает на постоянной основе?) квадратные нанометры жилплощади нечто незнакомое и бессмысленное, снаружи, наоборот, постоянные жильцы съехали, оставив после себя чистое поле, и, как вишенка на торте, после ликвидации прыща горел красным цветом кончик носа. Аромат вчерашних возлияний успел выветриться, но характерные приметы человеческой активности по-прежнему были разбросаны повсюду. Родион нехотя открыл дверь.

– Привет! Как ты тут? Я... Мы все за тебя очень переживаем. Бедненький... – девушка обняла Родиона так аккуратно, как будто он был сделан из чего-то исключительно хрупкого и погладила по голове. В этих объятиях он сразу ощутил серьезный прилив уверенности, и сразу по нескольким причи-

нам. Во-первых, Маша не побрезговала прикоснуться к его израненному и лишенному растительности скальпу, во-вторых, в него только что уперся грандиозный бюст, какой чаще бывает у персонажей аниме, чем у настоящих (3D) девушек, а в-третьих, Маша была к нему равнодушна, о чем парень был прекрасно осведомлен. – мы тут скинулись... Вот... – на этом заряд машиной смелости иссяк, и она протянула Родиону увесистый пакет с фруктами, – там еще конспекты по философии, я отксерила тебе свои...

Маша определенно была хороша собой, при том, что она никак не пыталась это подчеркнуть. Из-за почти идеально круглого лица, экстремального размера груди и привычки носить мешковатую одежду, на первый взгляд обычно складывалось ошибочное впечатление, что она слегка пухловата, но ни ее фигура, ни лицо изъянов не имели, разве что щеки были слегка присыпаны веснушками как у Венди из «Гравити Фолз». Родион слегка подвис, косясь на монументальные формы одноклассницы, и вдруг вспомнил в каком состоянии пребывает его обитель:

– Маш, ты разувайся пока...

Он вернулся в комнату и принялся отчаянно запихивать бутылки под диван. Все получилось довольно быстро, Маша даже не успела лицезреть конфуз – щупальца кальмара, которые Санек минувшим вечером не донес до ухмыляющегося рта, так и остались лежать на полу, а сейчас как будто ожили, подставив Родиону подножку – смачно поскользнув-

шись, он уже морально приготовился ко встрече затылка с полом, но каким-то непостижимым образом изобразил что-то среднее между балетом и тектоником и сохранил равновесие. Коварные щупальца полетели в форточку, Родион выдохнул и предложил Маше сесть.

– ...Чеба оборзел совсем со своим эссе, тоже мне нашел философов, мне тройку кое-как поставил, Котову четыре с минусом, остальным сказал переделывать. Вот. А так больше ничего нового. Родион улыбнулся. Она как будто слегка наклонилась к нему. Родион почувствовал, как полная, тяжелая грудь доверчиво уткнулась в него, – неожиданно оказалось, что под кофточкой ее ничто не сдерживало. Маша повернулась к нему уже больше чем вполоборота, Родион слегка растерялся, в черепной коробке, как фигуристка в момент кульминации выступления, крутилась мысль о том, как еще на первом курсе, сидя за партой, он с интересом посматривал в сторону солидных машинных форм и ломал разгоряченную голову – какой же формы у нее грудь, а сейчас его худощавый торс и упершийся в него упругий сосок разделяли микроны ткани. Ее веснушчатое личико было уже в сантиметрах в десяти от его лица, Родион почувствовал, как по ногам и внизу живота пробежали горячие мурашки. Из ее приоткрытого ротика нежно струился тот самый ни на что не похожий аромат женского желания, оттененный наивным запахом фруктовой жвачки. Волна тепла уже полностью завладела им и увлекала за собой, он терял контроль, сердце

наращивало частоту ударов, он сам не заметил, как уже медленно тянулся навстречу ее пухлым губкам и горячим щекам...

– Постарайтесь не повредить спину! – вкрадчиво, но отчетливо прозвучало в голове.

Родион вздрогнул и слегка отстранился. Розовый туман улетучился.

– Что... то... не так? – пролепетала Маша, все еще упираясь в Родиона грудью.

– Spина... Так стрельнуло, я аж вздрогнул... У-уф... – Родион неловко изобразил гримасу боли, осторожным движением отодвинулся на безопасное расстояние и потер якобы больное место.

– Ой!.. – краска со щек разлилась по всему лицу девушки, затмив и без того робкие веснушки, – ты ведь только из больницы...

Маша вскочила с дивана, еле слышно залопотала что-то невнятное, прижав ладони к необъятной груди, а Родион в это время окончательно вернул себе ясность мысли. Он хотел было взять ее за руку:

– А ну... Нафиг. Еще понапридумывает чего-нибудь, а мне потом разгребать. – мысль пронеслась быстро, как по оптоволокну, подавшиеся было в сторону машиной ладони пальцы вернулись на исходную. Родион встал и еще раз аккуратно потер спину, – Машуль, да брось ты. Все нормально... Слушай, я сам виноват, мне в клинике сто раз говори-

ли беречь спину, как выпишусь. Короче, забудь, пошли на кухню, попьем чаю, еще даже шести нет, посидим... – Родион говорил все увереннее, заранее зная, что прием сработает: Маша была девушкой слишком робкой, чтобы остаться хоть на минуту после такого фиаско. И в самом деле, в ответ она залопотала что-то еще более неразборчивое, – Родион различил только «прости», «извини» и «все конспекты я для тебя отксерила», торопливо натянула кроссовки, как попало завязав шнурки, нащупала в потемках задвижку, выскочила на площадку и с неловкой, но милой грацией понеслась вниз по лестнице. Родион ненадолго отдался во власть воображения, представляя, как подпрыгивают в это время ее девичьи богатства, но дожидаться хлопка подъездной двери не стал и закрыл задвижку. Постояв немного, глядя в пол и наматывая на указательный палец шнурок от трико, он принялся ходить туда-сюда по квартире, из комнаты в кухню и обратно, сутулясь и переваливаясь как медведь. На исходе восьмого круга голос в голове произнес:

– Простите, если я совершила ошибку. Дайте мне указания на случай возникновения подобных ситуаций!

Родион дурацки улыбнулся.

– Слушай, давай для начала ты будешь обращаться ко мне на «ты», а то я всю жизнь мечтал, чтоб со своим внутренним голосом на «вы», «спасибо», «пожалуйста». – он усмехнулся, – слушай, я сейчас допер, почему себя чувствую таким дурачком. Дошло! Она же слышала, когда мы с пацана-

ми спорили: что самое неприятное в девушках? Я тогда по чесноку сказал, что запах изо рта. Она, наверное, на четыре раза зубы почистила и пачку жвачки отработала. Хах! И вообще... Запах... Ты не подумай про меня ничего такого... Но, слушай, от нее никогда цветами не пахло, студент-технарь как-никак – он саркастически улыбнулся, – а сейчас побрызгалась чем-то, кроссовки новые... да какие нафиг кроссовки, она лифчик не надела!.. – Родион остановился на кухне, возле чайника и с размаху щелкнул по кнопке, – Тьфу, блин, воды не налил! Короче, выбила меня Машка из колеи. Хэх... – он снова, теперь совсем натужно усмехнулся, – а ты ничего себе такого не накручивай, не... Это мне сейчас дико повезло, что все как надо получилось. Они ж такие – ее только чмокни, и все, приехали, – я твоя девушка, води в кино, корми рафаэллами... А, прикинь, я выпустил бы сейчас воробушка из клетки... У-у-у... Ну ты ведь всяко в курсе, что у меня давно с девчонками не было... Че с ней делать потом... А если бы залетела? П****ц, че. – он замолчал, пошевелил губами, будто добавив про себя еще пару крепких, и резко потряс бритой головой, отгоняя неприятное наваждение, – так и так получился бы некрасивый расклад. И обижать девчонку не хочется, это не ее косяк, что она... Не в моем вкусе. Ну, то есть это... Ну нету чувства. Не знаю, как сказать. Ну это, самое, оно, конечно, да... (Он изобразил руками грудь примерно шестого размера.) Но не повод же... – Родион заканчивал мысль, наливая в чайник воду из-под крана. Те-

лефон, который он непонятно когда сунул в карман трико, торжественно пропиликал пару аккордов, возвещавших свежую СМС-ку, – ...да как есть скажу. Не вариант даже из-за таких бешеных сисек пытаться что-то изобразить, к ним же еще весь остальной человек прилагается, – он неглубоко и коротко вздохнул, – один мой кент это давно раскусил и заказывает себе по телефону сиськи, а насчет того, что идет с ними в комплекте, не сильно парится.

– Это и называется словом «любовь»?

Родион слушал размеренное закипание чайника, опершись локтями на стол, и вопрос застал его врасплох.

– Что?.. А, ты про Машку?.. Ну... Евгения... Женя... Слушай, ты ведь поймешь, если я буду называть тебя Женя или Жека, ну то есть... короче, без официоза, а то у нас тобой вроде как физическая близость на постоянной основе?

– Да, конечно, я идентифицирую любые производные моего имени!

– Ну, что, Жек, я тогда попробую объяснить. – к Родиону неожиданно вернулось внутреннее равновесие, – если вот так, по-честному... Не, это что-то новое. – он вынул чайный пакетик из пестрой коробочки, сиротливо стоящей на углу стола, бросил в кружку, залил кипятком доверху и, подобрав ноги под себя, разместился на жесткой и неудобной табуретке, – когда говоришь сам с собой, обычно что-то подтасовываешь, что-то допридумываешь оправдываешь сам себя, а у меня теперь так не выйдет. Мне это даже начинает нравиться.

ся. – глядя на пар, поднимающийся из кружки, он продолжил, – может быть, и да. Еще в монтажке она на меня на парах так смотрела... Откуда она вообще в технаре на монтажном взялась?.. Когда нас всех в универ зачислили, и началась настоящая возня, с конспектами пару раз выручала. Было дело, пыталась что-то сказать, типа там давай после пар останемся, лабы вместе подделаем или спрашивала, на чем я домой поеду. В общем, в таком духе. Я ее каждый раз тактично отшивал, у меня голова тогда вообще в другую сторону смотрела. Да и сейчас, в принципе, туда же смотрит. – Родион тяжело вздохнул, – если сказал «а», скажу и «б». Как раз перед тем, как я поступил в технарь на первый курс, меня девушка бросила. – он несколько секунд помолчал, держа кружку за ручку туда-сюда, но осторожно, дабы чай не рассердился и не плюнул в парня жгучей каплей. В голове приятно и вкрадчиво, почти ласково прозвучало: – Расскажешь мне о ней?

– Ну, во-первых, спасибо, что не на «вы». – Родион вышел из секундного оцепенения, – а про нее и рассказать особо нечего. Обычная такая, курносая, голубые глаза, блондинка. На год младше меня. Ее зовут Элеонора. Все подкалывали – типа вот, какая пара, у обоих редкие имена. – он улыбнулся, – я тогда слишком глубоко закопался, что ли. Все как-то сразу навалилось: переезд, новый город, другие люди вокруг. Мой пес умер. Его звали Смоки. Кличку придумали родители, отец хотел его Смокинг назвать, у него спина и

все лапы были черные, а брюхо белое, как будто он носит смокинг, а мама сказала, что это слишком сложно выговаривать, пусть будет просто Смоки. – Родион оперся локтями на стол и скрестил руки, – я по нему до сих пор скучаю. – он взял кружку и осторожно попробовал чай языком, – пф, кипяток! – кружка вернулась на исходную, – я одно точно понял – в жизни багов больше, чем в любой компьютерной игре. Например, домашние животные живут намного меньше, чем их хозяева. – в кармане настойчиво пискнул телефон, – да запарил. – Родион с раздражением потыкал в тугие и неудобные кнопки и спрятал телефон обратно, – в общем, пока я здесь решал вопрос с поступлением, она ни разу не позвонила. Когда домой в поезде ехал, до меня дошло – что-то случилось. Позвонил раз десять – трубку не берет. На вокзале не встретила. Уже дома получил СМС-ку: «Прости, я от тебя ухожу, мне нужен сильный мужчина, давай останемся просто друзьями». У меня тогда так внутри защемило. Просидел весь вечер и всю ночь на скамейке у подъезда, шел дождь, а я все равно сидел. В голове пусто, и сердце тух-тух-тух, только чуть замедлится, вспоминаю это «давай останемся друзьями», и оно опять давай разгоняться. Просидел так до рассвета, а утром как будто просветление снизошло. С какого это перепугу я слабый? За нее по лицу и бил, и получал, когда нужно было с уроками помочь, сидел до часу ночи, делал за нее английский – она до сих пор, наверное, «have» от «has» не отличает. – Родион грустно хмыкнул, – а она мне

конченную фразу из фильмов SMS-кой швыряет, а раз в лицо не сказала, значит стыдно этот бред в глаза сказать. На душе тогда было до краев паршиво. Просидел месяц за компом, немного очухался и решил не тянуть кота за яйца, взял у отца денег и поехал сюда искать квартиру. В сентябре Саня, мой одноклассник тоже сюда приехал учиться. Кстати, это от него СМС. От любителя грудастых. Или профи... Вот попробуй только вспомни его, и вот он. «Братан, когда повторим?» Мы с ним вчера чуток... погудели. – Родион чуть поморщился и махнул рукой, – короче, он рассказал, что Ленка встречается с каким-то десантником, типа, он тогда в мае демобилизовался, подкатил к ней, а она и не против! – Родион картинно развел руки в стороны и скорчил недоумевающую гримасу, – мне сразу сильно полегчало. Думаю – ну и норм, что сейчас сама отсеялась... – Родион подбирал подходящие слова, – мне ж тогда казалось, что все серьезно. Отучусь, буду работать, мы с ней поженимся. В общем, отпустило.

– Ты любил ее? – в голосе Евгении звучал искренний интерес.

– Почему ты снова спрашиваешь про любовь?..

Родион слегка недоумевал.

– Согласно информации, которой я располагаю, любовь – несомненно, первая в списке иррациональных факторов, определяющих поступки людей, поэтому я хотела бы знать как можно об этом чувстве *в тебе*».

Родион улыбался, рассматривая рубцы от ножа на столе.

Доской он не пользовался.

– Я так тебе скажу. Сейчас если вспомню про нее, злюсь немного, даже не знаю, на нее или на себя, а больше ничего такого. Но в марте было дело: зашел в магазин купить по-жрать, смотрю – вроде как Ленка стоит с тележкой, кофе выбирает, а, да, кстати, ее все Леной называли, я пытался звать Норой, но ей не нравилось. Короче, у меня сразу внутри похолодело, ноги стали как ватные, да вообще весь как ватный. Пока отдышался, она уже укатила тележку на кассу, я нахватал всякой хрени – сырки, шоколадки, даже хлеб не взял, подполз сзади в ту же очередь, сам не знаю, зачем, и тут вижу – она достает деньги из кошелька. А у Ленки на ладони с тыла родимое пятно, такое большое, коричневое. Хоба! А пятна-то и нету. Смелость как-то сразу вернулась, я вперед потянулся, ну, чтоб точно чекнуть, все свои сырки разронял нафиг. И конечно, никакая это не Ленка. Так, рандомная девчонка. Вот такие дела. – Родион хлопнул ладонями об колени и выпрямился на стуле. – так что, наверное...

Звонок снова нетерпеливо защebetал. Родион не хотел прерывать приятную беседу и, не желая отвлекаться ни на старшую по подъезду, ни на распространителей разного хлама, ни вообще на каких бы то ни было случайных людей, бесшумно как ниндзя подкрался к двери и посмотрел в глазок. Выражение лица быстро сменилось со шпионского на безразличное.

– Какая-то бабка. Не, я на паре, в кумаре, в ангаре, нет

меня. – он вернулся на кухню, – я ответил на твой вопрос?

– Да.

– Тогда моя очередь. Я уже прочухал, что мне не клизму тетрисом поставили. Ты мне не дашь ни соскучиться, ни окочуриться, это я уже понял, а что еще ты умеешь?

Евгения ответила таинственно:

– Ну-у-у... Если Вы настаиваете...

– Стоп, мы же договорились перейти на...

Родион вздрогнул и онемел: напротив него за столом расположилась девушка, скорее даже девчушка лет девятнадцати, подперев головку ладонью. Пальчиками другой руки она перебирала прядь густых каштановых волос. Одета она была просто – в синие джинсы и белую футболку. Во взгляде ее темных, почти что черных огромных глаз, было что-то такое, что Родион не мог идентифицировать, но это «что-то» как будто держало на привязи и не давало отвести взгляд. Когда он все-таки пришел в себя и попытался открыть рот, девчушка его опередила:

– Нет, это снова не пранк, это – я. Точнее, графическая проекция *меня. В твоей голове*. Ты ведь сам попросил. Я выбрала образ на твой вкус. Протяни руку.

Евгения раскрыла свою аккуратную, будто кукольную, ладошку навстречу грубой Родионовой, которую тот осторожно вытянул, и волшебство продолжилось самым неожиданным образом: его рука вместо того, чтобы ожидаемо скользнуть по воздуху, не встретив препятствий, вдруг ощутила

приятное тепло нежных женских пальчиков. Родион вздрогнул и рефлекторно отдернул руку.

– Как ты это?.. И это ведь еще не все, да?

На лбу у него моментально выступил пот. Девчушка улыбнулась.

– Верно. Но я чувствую, что на сегодня хватит.

Образ исчез, как будто бы его и не было.

– Вот тебе и «экспериментальный датчик»... – Родион выдохнул, – фу-ух. Надо пройтись, тем более, есть повод... Мда-а... Чуть не спросил «ты со мной?»...

5. РОЗОВЫЙ ГОНЩИК

– ...Слушай, раз ты теперь там, – Родион осторожно постучал себя указательным пальцем по виску, – давай, что ли...пообщаемся. У меня все мысль одна в голове крутится, а я не ТП и не жопа ванильная, ну ты понимаешь, чтобы это в статусы там писать...

– Для этого я и здесь! – голос Евгении прозвенел с готовностью, Родион потер кончик носа и слегка поежился.

– Вот че это за лето?.. Но я про другое. Только ты не смейся.

– И не подумаю.

– Так вот, я раньше не замечал, а со временем, начал обращать внимание, – он снова потер нос, – вот, смотри, – автобус. – к остановке не спеша, разгоняя ленивые волны грязной воды, причаливал «четвертый», – я когда сюда только приехал, как на него смотрел? Ну, даже не на него, а вообще на какой-нибудь автобус. Вот, плююсь на него и думаю: большой, желтый, с четвертым номером, как буханка по форме, только с острыми углами, с прямоугольными фарами, весь такой современный, не то, что у нас в Реченске, хотя ты и так это знаешь, да? – не дожидаясь ответа, он продолжил, – так вот, а сейчас на него разок глянул, а в голове уже на автомате – четверка, вечно забитый, едет медленно, на площади Революции стоит и набирается двадцать минут. Набирает, ко-

роче. Это я придумал. – Родион усмехнулся, – доехать можно, но осторожно, если спешишь хоть чуть-чуть, то лучше не пытаться. Но я не про это. Количество фигни, которая с тобой происходит в первый раз, уменьшается. А однажды такая фигня совсем закончится, вот что я хотел сказать, – Родион вскочил в открытую дверь автобуса прямо перед лицом морщинистого и непредставительного мужичка, одетого в потертую черную куртку с заметными следами грязи, не поднимая глаз, высыпал мелочь в ладонь кондукторше, прыгнул на свободное место возле окна и засмеялся, прикрывая лицо руками, – хотя есть и прикольные моменты. Ну вот, хотя бы этот щемер. – он специально сделал многозначительную паузу.

– Извини, кто? – переспросила Евгения, – в моей базе данных нет такого слова.

– И не только этого. – Родион получал искреннее удовольствие от возможности поделиться своими наблюдениями, – маршрут тут сплошная тоска: город, пригород, сосны, универ, а ехать час, и я как-то от нефиг делать изобрел классификацию пассажиров. – услышав смех за спиной, и, заподозрив, что смеяться могли над ним, Родион обернулся, и был прав – в самой глубине автобуса, на последнем сидении шептались два школьника, примерно шести-семиклассники, а один из них, в модной громоздкой кепке с плоским козырьком, показывал на него пальцем. Родион на секунду смутился, но, услышав в потоке буйной подростковой речи слово

«окси», и увидев мельком свое отражение на стекле, он осознал истинную причину такого ажиотажа – со своим далеко не самым миниатюрным носом и практически полным отсутствием растительности на голове, он действительно напоминал одного из кумиров современной молодежи. Но Евгения не дала ему возможности углубиться в сравнительную физиогномику:

– Расскажи мне про свою классификацию.

– Ну... Со школотой все понятно – школозавр обыкновенный. Тупой, шумный, никогда не вымрет. Есть и поинтереснее: рюкзакаеры, наушникаеры и щемеры.

– Таки-таки-так.

– Что?..

– Что?

Родион снова смутился.

– Да нет, ничего, просто компьютеры не говорят «таки-так».

– А умные мужчины не задают глупых вопросов.

– О-кей! Рюкзакаеры... Да, кстати! Тут весь зоопарк в сборе! Видишь того бородача, над которым глумится школота? – тем временем, юные рэперы переместились к выходу и, глумливо хихикая, засовывали фантики от шоколада, жвачки и прочий мусор в ими же, видимо, расстегнутый карман потрепанного рюкзака ненормальных размеров, который украшал собой спину субъекта неопределенного, от 25 до 45 лет, возраста, с неухоженной, висящей некрасивы-

ми сосульками бородой и в красной шапке с белым помпоном на голове. Как Родион не сдерживался, но смех все-таки вырвался наружу в виде смачного «хрю», к счастью, шкворчание автобусного двигателя полностью нивелировало этот неловкий момент, – мгновенная карма. Если честно, я одобряю. Рюкзакеры цепляют себе на горб эту хрень, массируют ей окружающих и делают вид, что она никому не мешает. Едут себе спокойно, если только не попадетсЯ какая-нибудь заслуженная училка или типа того, и не организует бодрящую лекцию. А большинство, кстати, терпит. Пялятся все в свои гаджеты. Хорошо, что мой-то в голове.

Автобус плавно затормозил. Заслуженный рюкзакер тряхнул бородой и бодро выскочил из салона.

– Шутку оценила. А остальные?

– Ну с наушникерами все просто. Напялят наушники и все. Не тронешь за руку – не очнется, а я не люблю трогать кого попало.

– И не говорите!

Родион обернулся, и едва сдержался от того, чтобы округлить глаза. Сидение позади заняла его «любимая» попутчица – женщина лет сорока, школьная учительница, вечный пассажир «четверки». Отправляясь на первую пару, Родион всегда знал заранее, кто займет сразу два места в восьмичасовом автобусе. На этот раз табло с бегущей строкой в салоне показывало 12:46, да и ехал автобус в другую сторону, но фортуна, видимо, приберегла свою улыбку для более важно-

го случая. Безымянный педагог технически занимала только полтора места – но даже Родион с его скудной комплекцией не был достаточно subtilen, чтобы претендовать на оставшуюся половинку. Вдобавок к этому, надевала она каждый раз одну и ту же когда-то черную юбку, густо умащенную кошачьей шерстью всех мастей, что окончательно уничтожало и без того невеликое желание разделить с уважаемой дамой сидение. Вдобавок, у Родиона вызывало стойкое непонимание то, как можно уделять так мало времени своей внешности, и наоборот – такую его кучу «шлаку» вроде домашнего задания на выходные или вопроса о цвете рубашек у мальчиков на общей фотографии. Обсуждая это по телефону, конечно же. В общем, пришлось ему несколько остановок провести в молчании и размышлениях о том, что конкретно совпало там, на небе, чтобы суперстар школьного образования оказалась здесь и сейчас – попробуй, поговори сам с собой минутку-другую в ее присутствии, будешь потом доказывать в отделении, что ничего не нюхал.

Когда грузная классная дама наконец встала со своего места, Родион вздохнул с облегчением. Нежный звон серебряных бубенчиков разлетелся по его голове – Евгения смеялась.

– Как все, однако, у вас непросто.

Родион раздраженно посмотрел на закрывающиеся двери.

– Да теперь только надеяться, что сработает теория вероятности, и мы с ней встретимся еще нескоро.

– А кто такие щемыры, расскажешь?

– А?.. Да. Это самый грустный вид. – он осмотрелся. Жилые дома за окном закончились. Вовсю мелькали проходные складов и производств, изредка – столовые или бани. Автобус опустел. Прилив уже закончился, а до отлива было еще далеко – рабочий день кипел вовсю. Родион расслабился и заговорил почти в полный голос, – помнишь мужика, перед которым я проскочил?

– Да.

– Типичный представитель. Вроде как ничего такого, щемится себе прямой наводкой сквозь толпу как ракета класса «земля-земля-грязь на ботинках». Кроссовки они, кстати, оттаптывают безбожно. Но это фигня, мне другое интересно – они все одинаковые, в этих мужланских шапках с подвязанными сверху ушами, с одинаковыми черными сумками на лямке через плечо, на них даже надпись одинаковая, на этих сумках. Ботинки, опять же, эти размером с грузовик каждый. Усы. – Евгения слушала молча, как будто знала, а впрочем, она действительно знала, что соль своих наблюдений Родион изложит далее, – и самое странное не в том, что любой из них тебе с радостью отдавит ноги, а в том, что, если ты со щемыром сделаешь то же самое, он и не заметит. Ему просто пофиг. Он ломится в автобус на своей остановке, ломится наружу, когда пора выходить. После работы делает то же самое, только наоборот, и все с такой рожей, что мем про лицо лягушки просто курит. Вот о чем он, с**а, думает?

Про квартальную премию? Вечерний срach по ящику? Носки по акции?.. – автобус заходил на последний поворот перед пунктом назначения. Отвлекшись на короткое дежавю, Родион резюмировал, – я хэээ. Но у нас, то есть у меня дома, в Реченске, они такие же. Когда я классе в пятом учился, боялся, что, когда мне стукнет сорокет, я без вариантов стану таким же. Свадьбу еще представлял со всей этой кунсткамерой и разбитыми лицами. Тьфу. Короче, нам сейчас выходить.

Автобус остановился у хорошо знакомой вереницы ангаров. На выходе из салона Родиону почудилось, что кто-то смотрит на него и улыбается. И, как ни странно, это не пугало, скорее даже согревало, что ли.

Преодолевая закоулки между скучными постройками, Родион, и не думал, что и на этот раз кто-то его подстерегает, но все равно пару раз обернулся, даже один раз, перед самым входом, посмотрел вверх, и, потянув за ручку двери под включенной несмотря на светлое время и мерцающей бледными огнями вывеской «Интернет-магазин аксессуаров и гаджетов «Инспектор» с довольно схоже оформленным из неоновых трубок силуэтом небезызвестного персонажа, вошел внутрь.

Сначала он оказался в тесном предбаннике из пенобетона, дешево и наспех пристроенного к металлическому телу ангара, зато обвешанном изнутри рекламой модных смартфонов, причиндалов к ним и прочего хлама. Родион толкнул еще одну дверь. Зазвеневшие под потолком колоколь-

чики активировали в его сознании очередное, совсем юное дежа вю. Впрочем, стеклянные колокольчики действительно были, а вот потолка как раз не было. Точнее сказать, его не было у магазинчика, – были только стены, сделанные наподобие офисных перегородок, над которыми возвышались своды ангара с шеренгой работающих через один прожекторов. В воздухе гуляло мощное эхо из обрывков фраз, доносящихся из контор и конторок, ютящихся по соседству, наполненное словами Родиону не то, чтобы совсем понятными: «накладные», «дебет», «оприходовал»...

Он, наверное, так и стоял бы, созерцая своды рукотворного грота и внимая отголоскам микроскопически малого бизнеса, но Евгения вдруг повела себя совсем бесцеремонным образом:

– Эй! Очнись!

Родион вздрогнул и сразу почувствовал себя неловко, но совсем ненадолго – перед ним, за прилавком, в кресле, скрестив на груди руки, расположился, по всей видимости, продавец – долговязый парень среднестуденческого возраста, пожалуй, что, ровесник, со взъерошенными русыми волосами, сильно выпирающим кадыком и лицом, изношенным не по годам. Его чертами он был дико похож на героя латиноамериканского сериала, от которого фанатела старшая сестра Родиона, однако, романтизма его физиономии порядком не доставало, а шрамов, оставленных суровой действительностью, наоборот, было в избытке. Парень спал. Бросив

взгляд на его подбородок, Родион не смог сдержать улыбки – оттуда произрастала бороденка, скорее даже косичка, сантиметров тридцать длиной, но такой скромной толщины, что при наличии желания можно было бы сосчитать в ней волосы. Но Родиона забавляло немного другое: он представил себе этот экспонат спящим в жестком кресле «четверки» и гнусавое хихиканье школьников, лишаящих его предмета гордости посредством ножниц.

– Как тебе не стыдно. А если ему лысые кажутся смешными? – Родион встрепенулся и начал оправдываться, – блин, да ладно тебе, я просто про тех школьников подумал. Это так мило, что от тебя ничего не скроешь. И еще кое-что... – он задумчиво оперся на прилавок. Хотя нет, чушь полная.

– Нет, говори.

– Ну ОК, ОК. Там, в автобусе висела цирковая афиша, реклама вроде рекламой, а в самом низу надпись: взр. 150, дет. 100. И я такой смотрю и вижу, что взр – это взрыв, а дет – детонатор. И только потом подумал про взрослые и детские билеты, я не знаю, может это супергеройское кино так разжижает мозги.

– Тогда ты срочно перестаешь его смотреть, потому в луже жидких мозгов я существовать отказываюсь!

Родион сначала расхохотался, потом спохватился, но было уже поздно: парень за прилавком вздрогнул, увидел покупателя, быстро протер глаза, вскочил, и, наподобие колодезного журавля, перегнулся через прилавок и принялся жать

Родионову руку обеими своими лапищами, размером с экскаваторный ковш каждая.

– Амир Вагапович! Здравствуйте! Я тут задремал немножко, вы по поводу аренды? – Родион от удивления поднял левую бровь, и раскрыл рот. Он набрал было воздуха в легкие и поднял руку, но жидкобородый парень побледнел и запричитал. Голос у него был своеобразный, с какой-то встроенной на стадии программирования робостью, будто бы он заведомо извинялся, что вообще открыл рот. Но при этом настолько оглушительный, что дрожали стеклянные полки за его спиной, – вы же обещали, что подождете до пятнадцатого! Я говорил с Кругелем, не нужна ему эта площадь! Я вас прошу, не выселяйте меня, я рассчитаюсь!..

Родион наконец вырвался из его ручищ и бросил с досадой, обращаясь то ли к Евгении, то ли к себе, то ли вообще ни к кому:

– Че-то часто меня в последнее время за кого-нибудь принимают. – а про себя подумал, – да сам ты Ваганыч! Спасибо, что не Кругель.

Евгения прыснула, рассыпав в его ушах целый букет серебряных колокольчиков. Парня парализовало, но ненадолго – как оказалось, он исчерпал не все запасы природного гигантизма. Перегнувшись через прилавок еще сильнее, он пристально посмотрел на Родиона в упор несколько секунд и с облегчением выдохнул, обдав несвежим дыханием.

– Ууух, вы извините меня – он опустил было обратно

в кресло, но ненадолго, – думал, выселять пришли. – он пошарил своей клешней под прилавком и извлек оттуда очки с упитанными линзами, – е-мое, вот я попутал. Вы вообще на него не похожи. Ну если только носом... – Родион вздохнул. От своего носа он никогда не был в восторге. Продавец обиженно пробубнил, – чтоб его... Этот май...

Родиону не терпелось разбить неловкость, повисшую в воздухе, и он поддержал разговор:

– У меня он тоже так себе получился...

– Да дерьмо, а не месяц! – горе-бизнесмен так расчувствовался, встретив понимание, что чуть не снес Родиона ударной волной. «Умные» часы, колонки, флешки и прочая дребедень, пылившаяся на полочках за его спиной, вздрогнула в унисон, – с праздниками этими вообще продаж нет! Если б один чувак не заказал уши за двадцатку в предоплату, тогда вообще не знаю... А вас что интересует?

– Ну вот за ними я и пришел...

Обратно Родион шел в каком-то странном смущении. И почву из-под ног выбило даже не то, что единственная камера наблюдения была внутри магазина, да и та оказалась муляжом. И не то, как долго этот несостоявшийся баскетболист благодарил его, своего спасителя, чуть не плача, пытаюсь всучить какую-нибудь безделушку в подарок.

А он ведь действительно мог стать баскетболистом, и выселять его собирались в самом, что ни на есть, прямом смыс-

ле. Променять паркет на библиотеку, поступить против желания родителей в торгово-промышленное училище, закончить его, рассориться с родителями окончательно, открыть интернет-магазин на окраине города, жить в нем же, – любой бы посмеялся над такой историей, но только не Родион. Насколько хорошо он понимал, что хоть мечты и бывают порой сделаны из такого барахла, такого дерьма, это не делает их сколько-нибудь менее ценными, ровно настолько же он завидовал этому чудаку, не пожалевшему ни зрения, ни нервов, ни своих, ни родительских на пути к возможности крепко держать эту самую мечту в своих руках.

Сам Родион сжимал вспотевшими пальцами ручки пакета, в котором рядом с заветными наушниками подпрыгивал подарок, от которого он все же не смог отказаться – белая кружка с надписью газетными шрифтом: MUSIC MATTERS. Глубоко задумавшись, он пробормотал:

– Пожалуй, действительно matters. Да и не только music...

– А что еще? – Евгения неожиданно дала о себе знать.

Родион вздрогнул и едва не ударил пакетом о бордюр:

– Если уж ты читаешь мои мысли, тогда хотя бы... Хотя бы не пугай так, что ли?

– Хорошо.

Стриженные под ноль тополя грустно смотрели Родиону вслед. Им, лишенным не только привычного тепла в унисон со всей природой, но и самой даже привычной своей формы было неуютно вдвойне.

Родион не стал садиться ни на какой автобус. Он намеренно петлял незнакомыми переулками, натыкался на огромные, многометровые лужи, как будто специально, медлил, ломая голову над тем, как их обойти. Забрел во дворы геттообразных двухэтажных деревянных домов, где невидимые грустные люди жили своей невидимой и грустной жизнью.

– Да вот хотя бы. – Родион прикончил затянувшуюся паузу, – чтоб, когда утром в ванной открываешь воду, уже знал, что сегодня поплывешь в правильном направлении. Блин. Сказанул же. Вот мне вроде не на что жаловаться. – он в самый последний момент заметил под ногами кирпич и успел перешагнуть, не оставив на кроссовке вмятины, – мой батя... Кстати, я тебе рассказывал про своих родителей? А-а-а, ты ведь и так...

– А я разве не говорила тебе, что не могу получить личную информацию без твоего согласия?

– А, да... Ну, вот, смотри, то есть слушай. Батя в Нижнереченске, как говорит местное быдло, вроде смотрящего. Но это фигня, с криминалом он никак не связан, зато все что есть интересного в нашей дыре – все его. Магазины, киоски, кафе, деревообрабатывающий цех, заправка, еще какая-то хрень. По сельским меркам он олигарх. – Родион ухмыльнулся, – естественно, он хочет, чтоб я здесь отучился, вернулся домой, а потом принял семейный бизнес. А мне это не надо. – Родион не стал тянуть с признанием, удивив самого себя. Он, слегка замедлив шаг, некоторое время рассмат-

ривал изрядно измазавшихся грязью и мазутом, но с виду вполне счастливых детей, играющих внутри кузова брошенного раритетного «Москвича», – я уже давно понял, что вариться в своем соку – это ни о чем. Не в том смысле, что мне настолько противен мой родной город, что я хочу бежать, не оглядываясь. Нет, я даже не против там жить, но не так как мой батя – он пашет день и ночь, бывает, даже товар сам развозит по точкам, да какое... Он даже фуру сам иногда гонит. А на заработанное открывает новый ларек или еще что-то, а ходит который год в одной и той же одежде. Семейных отдых у нас только один раз был – в Турцию всей семьей когда-то давно летали, и то он весь отдых дергался, как там дома, не разорили ли его и все такое... – Родион остановился во дворе старого двухэтажного дома, свежевыкрашенного в бледно-желтый и присел на скамейку посреди молодых порослей вечной мальвы, – и мама. Они с отцом, конечно, любят друг друга и все такое... – он извлек из пакета и повертел в руках кружку, – но я всегда замечал, что у них что-то не так. Мама училась на археологическом, закончила аспирантуру в ВГУ, хотела писать диссертацию, ездить на раскопки, но отец сказал – «На фига тебе это?», а на его языке это означает «Не будешь ты ничего писать, сиди дома, воспитывай детей». Мама если рассказывала про учебу или практику, то всегда спокойно. Но блин, чтоб я не догадался, что мама грустит? И отца вроде не в чем упрекнуть, он человек жесткий, но ни разу не жестокий – у мамы есть своя машина, деньги, салон

красоты он, по-моему, вообще только из-за нее открыл, но это все не то... Тебе это точно интересно?..

– Мне интересно все, что касается тебя.

Уверенность, прозвучавшая в словах Евгении, передалась и Родиону.

– ОК, тогда я закончу. В этом плане я похож на маму, мне может и по кайфу было бы идти по накатанной, когда нет острых углов, трасса проложена за тебя, но как говорит Альтах, препод по вышке, важнее всего – самореализация. Разница только в том, что мама всегда знала, что ей по душе, а я нет. – какое-то время он сидел молча, слушая, как с одним и тем же скучным звуком пролетают по свежезалатанной дороге машины, – после одного случая я до сих пор не могу успокоиться. Как-то отец взял меня с собой, когда отвозил лопаты, грабли, ну всякую такую хрень в одно село в жопе мира, только по кочкам ехали километров, наверное, сто пятьдесят, ладно еще батя для таких случаев прикупил внедорожник, не наш хлам, что-то импортное. Короче, в этой деревне живут то ли ашкеназы, то ли амиши, то ли мизрахи, забыл, как они называются. Так мало, что они живут на отшибе цивилизации, в одинаковых халупах, без электричества, так они еще женятся и выходят замуж только за своих, и у них такие рожи, что смотреть без слез нельзя, я даже не знаю, как тебе описать... Один страшнее другого. А кто от них уезжает в город, с ними больше не общаются, они для них предатели. Батя у них эти лопаты обменял на сыр, вяле-

ное мясо, короче то, что можно толкнуть втридорога как экзотику. На обратном пути отец мне про них много рассказывал, а потом добавил: «Вот, Родя, что такое Традиции. Живут люди на земле, всего добиваются своим трудом. Природа, свежий воздух, красота!» Я хотел сказать: «Ага, на мордах у них сплошная красота». Но с батей спорить это понт, особенно если вопрос касается его убеждений. Кстати, если хочешь, поройся у меня в памяти, я эту красоту хорошо запомнил.

– Я уже порылась. Лучше бы воздержалась.

Родион засмеялся, ему тут же вторили серебряные колокольчики.

* * *

... – Стряхнуть с себя пепел, который ронял догорающий день... Жека. Что за фигня, у меня какие-то стихи в голове творятся. – День, действительно, подходил к концу, Родион приближался к перекрестку улиц Маркса и Энгельса, совсем недалеко от дома, когда ему показалось, что девушка, стоящая там, впереди, на остановке с соответствующим поэтичным названием «Перекресток улиц Маркса и Энгельса», попала в беду. Она отчаянно размахивала руками и что-то кричала, срывалась с места, бежала к дороге и снова кричала.

– Отложим твои гекзаметры, поможем ей!

Родион согласился с невидимой спутницей и бегом рванул

к остановке.

– Ксенон, аргон, модный покемон!... – Не добежав до цели шагов тридцать, Родион растерянно остановился. В общем-то милая, опрятная девушка, в джинсовой куртке, с черными волосами, собранными в аккуратный хвостик, вела себя как-то странно, – Розовый гонщик! Вот тебе! – она подскочила к поребрику и показала кому-то в потоке машин средний палец.

Сначала Родион решил, что девушка пьяна или чем-то расстроена, но вскоре сообразил, в чем дело. Едва с ней поравнялся школьник в спортивном костюме и портативной колонкой, пачкающей городской воздух музыкальными отбросами откуда-то из недр рюкзака, то сразу услышал в свой адрес:

– Масенька-адидасенька! На концерт собрасенька?

Каждый из редких прохожих, рискнувших пройти мимо странной девушки, не ожидая подвоха, получал порцию своеобразных комментариев, причем преимущественно в околостихотворной форме:

– Ты слышь! Борода не согреет в холода, шапку одень – это да. – на этот раз досталось хипстеру в клетчатых брюках.

Родион разочарованно вздохнул. Ему было как-то неловко.

– У них там, в психушке, день сурка совпал с днем открытых дверей, что ли? Или просто мне на них везет?

– Ты потише давай, а то и тебя с покемоном зарифму...

Родион, не имея намерений оставлять свой след в поэтических анналах города, обходил остановку с обратной стороны, но маневр, казавшийся безупречным, не спас его. Любительница спонтанного стихосложения выскочила из-за остановочного павильона и загородила ему путь. Девушка точно была чем-то больна. Ее большие карие глаза держали Родиона «в таргете» как в онлайн-игре, но в то же время, она смотрела как будто сквозь него.

– На свидание собрался, да?! – приятный, в общем-то по своему тембру голос портили нездоровость и нервозность, равно как и совсем юное, с правильными чертами личико производило совсем не тот эффект, какой могло бы, – придишь лысый и *вдвоем*, что тебе скажут? На дверь покажут?!

Родиону неожиданно стало странно и смешно. Необязательная встреча уже состоялась и «давить кисляк» как он говорил в таком случае было уже совсем необязательно, он поднял голову и обратился к девушке:

– Это вопрос или утверждение?

Внезапно, одним прыжком, та преодолела разделявшие их полтора метра и уставилась Родиону напрямиком в глаза, бесцеремонно упершись своим аккуратным носиком в добротный Родионов и зашептала:

– Иди, так надо! В королевстве красного твоя награда! – и так же резко отскочила в сторону, пропуская парня.

Погрузиться в себя в поисках ответа Родиону помешало одно обстоятельство, – едва он сделал шагов двадцать, как

в глаза ему бросился вычурный билборд *Кафе «Пельменное царство»* – монархия вкуса с торжественного вида пельменем, украшенным короной, вокруг которого полукругом наподобие августейшего семейства расположились еще с десятков ему подобных с регалиями попроще. На плакате в соответствии с его идеей преобладал красный цвет. Родиону было настолько смешно, что он даже не обратил внимания на тот факт, что находилось кафе по адресу ул. Коммунистическая, 17б.

– Ахахах, в пельменную послала, не, ну хоть не в секс-шоп! – на перекрестке загорелся красный, и ему пришлось остановиться, – Фу-ух... – просмеявшись, он тяжело выдохнул, – не было печали, а теперь что ни день, то какая-нибудь е**анистика.

Совершенно внезапно в готовящийся ко сну город ворвался восторженный детский визг: – Ибани-и-и-фтика! – Родион резко обернулся. Рядом стояла молодая женщина, держащая за руку девочку лет трех-четырех в розовой курточке, – ибанифтика, ибанифтика! Так говорит ПАПА! – девочка радостно запрыгала, смеясь и хлопая в ладошки, женщина смутилась, а Родион и его невидимая спутница хохотали, не сдерживаясь...

... Слушай, а ты можешь поставить мне... какой-нибудь трек?

До дома оставалось всего ничего, а Родиона все сильнее тормозило подогретое недавними событиями желание сде-

лать какую-нибудь безобидную глупость.

– А могу. – Евгения нисколько не смутилась, – но только из тех, что есть у меня или у тебя в памяти. Во втором случае – если ты прослушал трек от начала до конца. Желательно – несколько раз.

– А давай Morgana – Can I help you baby? Только не попсовую версию, а ремикс, не помню, как называется, олдскул микс или типа того.

Улица совсем опустела, движение, да и то скорее напоминавшее типичную сцену из фильмов про зомби, наблюдалось только у круглосуточной точки с разливным пивом, без излишнего лоска замаскированной под бар.

– Та-ак, сейчас поищем... – сказано это было таким тоном, как будто речь идет о пыльном стеллажике с дисками, – ...Нашла! Не олдскул, а old stuff remix! Идеальное состояние! Сколько раз ты его прослушал? Сто? Двести? А название не запомнил. И вообще, твои вкусы весьма специфичны...

– Только не продолжай... – Родион не успевал удивляться и по инерции поднял правую руку, – а пофиг, сам знаю. Врубай. – и махнул рукой.

С первыми аккордами вступления знакомой песни он понял одну простую вещь – как одна на первый взгляд несущественная деталь перечеркивает черновой вариант действительности и творит свой – примерно так, как родинка на изначально простом девичьем лице делает его изысканным.

Лейбл «Crazy shit inside» на рюкзаке пожилого преподавателя по «культуре речи», не знающего английского языка, позволяет скучной и унылой паре реинкарнировать в формате «стендап-шоу сидя». Как любимый трек, неведомым образом транслируемый сквозь твое сознание трансформирует тебя из припозднившегося пешехода в героя автобиографического фильма, а все, что вокруг – мерцающие витрины и вывески, картонный стаканчик с трубочкой, с остатками теплой газировки внутри, который грешно не отфутболить, собственное отражение в окнах редких автомобилей – в максимально реалистичные декорации. Даже допившиеся до беспомощного сидения на холодных ступеньках пивнушки пролетарии с тлеющими сигаретами в дрожащих губах оборачиваются кем-то вроде массовки из мюзикла.

Родион незаметно для самого себя начал подпевать (преимущественно в припев, а конкретно – «у-у-у-уеее»), ускорил шаг, совершал внезапные и неуклюжие па, показывал дерзкие жесты руками-пистолетами в адрес воображаемых зрителей, картинно подмигнул алкашам, которые были заняты традиционной забавой – не спеша отдирали черными от подсолнечной кожуры пальцами этикетки с бутылок и какого бы то ни было внимания на танцующего придурка не обращали, в общем, вел себя так, что натолкнись он на полицейский патруль, ночь выдалась бы чересчур томной. Но полиция занималась своими делами где-то далеко, поэтому трек был успешно дотанцован. Евгения хотела было сказать:

«Вот бы мне увидеть это со стороны...». Но почему-то сдержалась.

По опустевшей дороге прогремел старый пустой тягач, запинаясь о тектонические разломы в толще асфальта и щедро роняя с прицепа куски сосновой коры. Обитатели близлежащих хрущевок еще отчетливо слышали, как его лязг фальшивой скрипкой врывался в симфонию ночного города, когда следом промчался всадник на мотоцикле, на такой скорости, что не разглядеть ни лица, ни масти «коня». На зеленый он, однако, не успел. Нехотя остановившись на светофоре, брутальный бородач поправил на кожаной куртке розовый значок с изображением белого кролика (или зайца) держащего в мягких лапах торт – дочкин подарок.

6. Мотылек

– Чет приспичило в Доту... Слушай!.. – на мониторе еще не успели прогрузиться ярлычки на фоне привычных зеленых лугов, а Родиона уже взяла в кулак непреклонная воля куража. Еще минуту назад у него закрывались глаза, но неожиданная идея моментально восстановила силы наподобие НР-зелья, – сбцаем эксперимент!.. – Родион кликнул на иконку игры на рабочем столе, – проверим тебя в деле! Жека как ты смотришь на онлайн-игрульки?

– Позитивно. Как с точки зрения современной индустрии развлечений, так и с точки зрения проверки моих возможностей.

Евгения ответила, как показалось Родиону, с энтузиазмом.

– Не знаю, как ты мне поможешь... Короче, приготовься! – он уже вбил логин и пароль, – будем нагибать испанцев!

По только одному ему известной причине Родион не любил, скорее даже презирал испанцев, а еще точнее – не испанцев, а испаноговорящих игроков. В подавляющем большинстве они играли откровенно плохо, с детской наивностью повторяли одни и те же ошибки, приближая к успеху команду противника. А те, кто играл как минимум сносно, как правило использовали вспомогательные программы, в том числе и запрещенные. И, что Родиону казалось в них самым отвратительным – это их язык и манера его использовать в игре – при участии «испанцев» его пятым скрытым тиммейтом было чувство перманентного дежавю, – все их фразы были как будто похожи одна на другую, да что фразы, он на уровне интуиции ощущал, что в их языке не достает ни разнообразия русского, ни сухой информативности английского – только какая-то суетливая и глупая экспрессия и постоянно повторяющиеся «vamos», «todos», ругательные «puta», «verga» и новомодное «kiter», получившееся то ли из «cheater», то ли из «quiter».

Эксперимент грозил пройти с легким оттенком межнациональной нетерпимости: сервер Родион нарочно выбрал испаноязычный.

– Нужно что-то такое... Четкое и конкретное... – он потер ладонью лоб, – плаваю Сларка. Тебе же не надо объяснять правила?

– Нет, в моей памяти есть общее описание геймплея, дальше все покажешь ты! – прозвучало в голове с тем же искренним энтузиазмом.

– Ну тогда поехали!

Игра понеслась. Начало обнадежило не слишком – на Родионе, подперев с обеих сторон его, совсем еще беспомощного лягушонка первого уровня, сделали FB. «Испанцы» ожидаемо принялись строчить «ајајајаја», некто el_suerte написал – «guso nob de mierda!».

Ожидая респавна, раздосадованный Родион пытал засаленную мышку, приподнимая ее большим и безымянным пальцем примерно на сантиметр над ковриком и отпуская. Мышь раздраженно гремела.

Дальше лучше не стало – дотянув до третьего уровня, Родион зазевался, доковыривая крипа слишком далеко от родной башни, в кустах подкараулил Док, престарелый и сутулый тролль с посохом – стан! Промышлявший с ним за компанию Рубик, чародей с похожим изъясном фигуры, только человечесьей расы, не мешкая, притянул добычу к себе, и выпустил второй скилл – 0–2! Родион начинал нервничать –

время шло, а чудо все не происходило. Евгения, однако, как будто и не сомневалась в успехе предприятия:

– Постарайся продержаться без грубых ошибок еще хотя бы пять минут! Я накоплю достаточно материала для анализа действий игроков и выработки победной стратегии. Немного терпения – и будешь нагибать!

В голове у Родиона прозвенел милыми колокольчиками щекочуще-тонкий девичий смех. Он хотел было рассмеяться в ответ, но через полсекунды замер с идиотски перекошенным ртом, так и не сообразив, чему больше удивляться – тому, что Евгения умеет шутить или тому, что сама умеет смеяться.

– Не спи!

Родион едва успел отпрыгнуть в сторону от Магнуса, который вдруг телепортировался перед ним и собрался было утащить под очередной стан Дока. Терпеть – так терпеть. От греха подальше он прогулялся до фонтана, восстановившись, вернулся держать линию. К девятой минуте постпрогулочная afterparty в голове Родиона сама собой тихо и бесшумно прекратилась, зато пришло время какой-то необычной, как будто теоретически обоснованной уверенности – знаковый шестой уровень к тому моменту был благополучно вымучен, окрепший лягушонок зашевелился быстрее, как будто не бесценный бонус тому виной, а твердая рука, управлявшая его графической моделью. Первым фрагом символично стал Док, ковылявший из очередной «горячей точки»

с показателями маны и ХП близкими к нулю – Родион догнал и добил его под второй башней. Дальше был полный хардкор – он как будто слился с фигуркой на мониторе – в голове с опережением событий летели секунды кд скилов, инвентарь стремительно заполнялся, причем не тем скарбом, что он сам планировал, карта была как будто где-то далеко внизу, не самые слабые игроки превратились в подобие ботов, бегающих по заранее заданным маршрутам (Родион вспомнил замусоленный диск с теперь уже музейным кс 1.6, приправленным ботами). Когда он довел личный счет до 16–2, в очередной раз разорвав картонного Дока, испанцы зациклились уже на «mh de mierda». Родион вошел в раж, и не читал ни их истеричных сообщений, ни командного чата, а продолжал стирать с карты игроков и вышки, сердце бешено колотилось – появилось сообщение от администратора громадным шрифтом:

«Admin_Diego: Team Scourge player TheDownshifter checked, no mh or other cheats detected. Team Sentinel player 30cmDePuraVerga: mh on. Kicked and banned.»

Родиона разорвало на дикий смех, когда синего игрока, того самого Дока больше всех пытавшегося уличить его в грязной игре выкинули из игры за тот самый финт. «Испанцы» сбились у фонтана кучкой и уже молча позволили Родиону спокойно срубить несчастное дерево.

Когда он вышел из игры, сердце еще отбивало ритм в стиле барабанщика Slipknot, но лицо сияло как спортивный тро-

фей:

– Жека, твою мать! Аахахаха! – Родион снова расхохотался и быстро потер лицо засаленными руками, – твою же мать, а! – он практически прокричал это и быстро протопал в ванную, открыл кран и целую минуту споласкивал лицо холодной водой. Вытерев лицо, он слегка остыл, хоть и вздрагивал еще от волнения, – как ты это сделала?

Евгения ответила не без гордости:

– Довольно просто. В этой игре несложная статичная карта, простые правила. Я проанализировала умения персонажей других игроков, определила наиболее вероятные варианты их перемещений, передала информацию тебе в мозг, синхронизировалась с тобой... Если выразаться проще – немного теории вероятности, немного творческого подхода, а дальше дело техники!

– Вот так просто? Блин... Типа расколола орех, а мне осталось прожевать? Да такими темпами я могу хоть завтра стучаться в любую тиму к профи! – Родион схватился за голову, – там сейчас такое бабло на турнирах крутится! Здравствуй, я топчик покруче любого из Вас – берите, пока другие не взяли! Хоть в Доту, хоть в КС!.. Овервотч... – он резко прекратил кривляться, сделал резкие вдох и выдох, плюхнулся на диван и скрестил руки на груди. В комнате было уже совсем темно, свет излучали только монитор, и фонарь за окном. Испускаемые им щупальца света прочно опутывали балкон, уверенно дотягивались до компьютерного столи-

ка и пропадали в распахнутой двери в прихожую, – нет. Во-первых, я не знаю. Да ты сама не знаешь, как долго продлится наш роман. А во-вторых, я не хочу превращать свои увлечения в работу. Я хоть и вырос в... Хотел сказать в е***ях. Не. Не могу я так сказать про родной дом. Вот, смотри, есть у меня такой корифан, который в «Вовке» там, в «Линейке» фармит голду, качает персов за деньги – а в чем реальный профит? Уронить свое хобби до уровня работы? 30–40 тысяч? А ведь у кого-то других увлечений нет... Да хотя бы у меня.

Евгения прокомментировала с уважением:

– Ты рассуждаешь как зрелый человек. Сейчас я понимаю – для меня действительно важно, что выбрали тебя, а не кого-то другого.

– Хах, спасибо. – Родион усмехнулся и потер указательным пальцем густую черную бровь. Он часто так делал, когда не был в чем-то уверен, – но я так не думаю. Ты ведь слышала мой разговор с Саньком. Где тут зрелость? Вот смотри: с тех пор как ты прописалась у меня в голове, я часто сравниваю себя с разной технологичной фигней. Нет, ты не подумай, что я себя киборгом там возомнил или вроде того, не, – он скрестил руки за головой, – короче сейчас будет офигительная история. Тебе нужен мой словесный понос?

– А тебе груз самокритики при ходьбе не мешает?

Родион сделал вид, что не заметил замечания.

– Смотри. Вот ты родился – стартовал такой как ракета.

Какой-нибудь Фалкон или Драгон. Летишь такой весь из себя деловой, набираешь ход. Открытый космос, звезды, другая межпланетная хрень – и хоп! Ты уже не ракета, а спутник, космический мусор. Выходишь на свою орбиту – сначала просто сбавляешь ход, как я сейчас. А потом все, ты до конца на этой орбите. И походу не важно, чем ты по жизни занят – чем-то стоящим или нет, ты на этой орбите уже насовсем. Кондуктор в автобусе или там, например, препод – не важно. У одних как будто нет тем для разговора кроме битвы за пассажиров. Ой перед нами две газели! Ой а б8 срезал по Кирова и всех забрал! – Родион не без отвращения изобразил скрипучий голос совсем не старой, но к своим без малого тридцати годам, как он говорил «мутировавшей в бабу» кондукторши из все того же четвертого автобуса, в компании которой ему приходилось проделывать ежедневный путь до университета, – а ведь реально – они и троллейбусам рога отцепляют, и морды друг другу бьют за минуты и копейки. А препода? Вроде как люди ученые, а ведь блин, то же самое – у них все разговоры примерно на том же уровне. В марте из штатов пришли книги, ну там по архитектуре, учебники английского, еще что-то – месяц об этом тархтели все до одного, как будто им американский президент их лично вручил. И, знаешь, я не хочу так. – Он помолчал несколько секунд, – я не хочу разучиться удивляться – жизнь должна быть как любимый сериал, чтоб у тебя каждый день был как релиз новой серии. А ходить как эти боты по своим вейпо-

интам... – Родион снова поставил монолог на паузу, – сейчас я еще тебе такое расскажу – пожалеешь, что тебе не подыскали голову получше. – он усмехнулся, – мне часто снится один и тоже, ну почти один и тот же сон – как будто у меня дома, в Реченске, в ящике стола лежит какой-то телефон. То есть не какой-то – он на секунду остановился, приоткрыв рот – а вполне конкретный телефон. Но на самом деле такого телефона нет. Да бред, короче... – Родион покачал головой.

– Пожалуйста, продолжай! – Евгения настаивала.

– Ну окей, окей. – он перевернулся набок и подпер голову рукой, – мне снится, что я открываю ящик, и он звонит... Или в нем записан какой-то номер, и звоню я – говорю с какой-то девушкой, то ли из пионерского лагеря, то ли из школы, то ли еще откуда-то... Вот только сейчас не смейся – я ее *еще не знаю*. Потом я еду к ней или уже вместе с ней на автобусе, то ли дома в Реченске, то ли здесь, не могу понять. Автобус останавливается, открываются двери, и я просыпаюсь. – в неплотно закрытую балконную дверь проскочил крупный пестрый мотылек и с шелестом как у быстро переворачиваемых книжных страниц забился об экран монитора, – Вот такие дела. – Родион тихо вздохнул, – и все – как по-настоящему. Обычно во сне я понимаю, что все нереально, а когда мне снится этот сон и... она, я даже не представляю, что все это не настоящее. Просыпаюсь – и каждый раз не могу вспомнить ни ее лица, ни цвета волос, и чувство такое, как будто не проснулся, а уснул в том автобусе, и сон –

это то, что я вижу сейчас. – на пару секунд он зажмурился, – ты, сто пудов, уже хочешь мне рассказать, что это все значит, но слушай, не надо. Пусть все останется как есть.

– Ты не угадал. – голос Евгении прозвучал ласковее обычного, – некоторые детали, в том числе те, которые ты не озвучил, я могу трактовать однозначно. Но общий смысл твоих снов может быть понят только тобой. Возможно, спустя определенное время...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.